

Анжелика Лабунская

ARBO DE VIVO

За пределами Сада

Анжелика Лабунская

Arbo de vivo. За пределами Сада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69491323

SelfPub; 2023

Аннотация

Роман в жанре психологической прозы с остроумными вкраплениями дневниковой переписки. Он о девушке с творческими наклонностями и неплохим чувством юмора, которая вряд ли мечтала оказаться однажды без жилья и денег с тремя детьми в доме под снос. Но случается порой самое неожиданное и даже самое страшное. И когда одна потеря за другой лишают воли, вопросов к высшим силам становится все больше, а ответов за стеной претензий мы не слышим, так же неожиданно приходит помощь. И девушка с творческими наклонностями понимает, что самое прекрасное тоже случается, стоит поверить – в себя, в высшие силы и даже в то, что Колин Ферт однажды прочтет твое письмо и обязательно приедет.

Содержание

Глава 1	6
Побег	6
Глава 2	18
Жизнь возвращается	18
Глава 3	29
Флерово	29
Глава 4	37
Роман	37
Глава 5	44
Лонли сандей морнинг	44
Глава 6	54
Отец	54
Глава 7	62
Мать	62
Глава 8	68
Первое чувство вины	68
Глава 9	77
Юджин	77
Глава 10	87
Старое гнездо	87
Глава 11	98
Джузеппе-Сизый нос	98
Глава 12	106

Письмо
Конец ознакомительного фрагмента.

106

116

Анжелика Лабунская
Arbo de vivo. За
пределами Сада

Глава 1

Побег

Привет, дорогой Колин!

Солнце рождалось над городом, протискивалось между краями неба и земли, росло и разгоняло тьму ночи. В акварельные разводы темно-синих облаков мягко вплывали нежные персиковые и золотистые пятна, вытесняя сталь и ультрамарин. По пустынной дороге ехал грузовой каблучок, набитый до отказа только самыми необходимыми вещами для семьи из четырех человек, упакованными в огромные синие мешки для мусора.

Перед ним тяжело пыхла выдавшая виды старенькая тойота. Еву знобило, словно она прыгнула с парашютом где-то за пределами атмосферы и теперь медленно приземлялась в другом времени, или даже на другой планете. Двое ее друзей тихо переговаривались, как ни в чем не бывало. Со стороны могло показаться, что дружное семейство едет с дачи домой, к благам цивилизации, обремененное свежим урожаем. На заднем сиденье слева от Евы дремала под рюкзаками и пакетами восьмилетняя Саня. Шестилетний Кешка в обнимку с большой фиолетовой орхидеей обвился вокруг ма-

миной правой руки и шумно сопел. На груди у Евы в кенгурушке свернулась калачиком совсем еще крошечная Рита, которая успела только родиться и слегка освоиться в этом мире, а уже совершала свой первый побег.

Веки смыкались, тело погружалось в анабиоз и забывало, как еще час назад его трясло, било страхом и бросало из стороны в сторону в хаосе мешков, пакетов, настольных ламп, игрушек и матрасов. Шарахаясь по прихожей, Ева словно во сне наблюдала, как ее лучшие друзья, Ленька и Игорь, спешно выносят вещи из ее похожей на тюрьму квартиры в забытый мир свободных людей, которые делают то, что хотят.

– Эвита, монами, ты же сказала, что всего мешков семь-восемь?! А у нас уже грузовик под завязку! Надо было фуру нанимать. Много еще?

– Прости, не знаю. Месяц частями на балконе паковала и прятала. Сложно было весь масштаб оценить. Там еще детская и сами дети. Черт! А если он сейчас все-таки вернется?!

– Лень, неси вот эти сумки в машину, я пока оставшееся с балкона в комнату переброшу. Ева, тащи мешки в прихожую к выходу. Да успокойся ты! Вернется – накидаем ему и оставим отдыхать.

Ева с содроганием смотрела по сторонам: в комнате Сегалова, через которую с балкона в прихожую кочевали пожитки, время законсервировалось на несколько лет. Сейчас неприкосновенный порядок вещей был безучастно нарушен, пол истоптан октябрьской грязью, драгоценные коробки, так

и не разобранные после переезда, сдвинуты и переставлены.

Игорь швырнул в Еву мешком.

– Как в склепе. Жуть, пылица и мрак. Почему он живет в большой комнате, а вы – четверо в девяти метрах?

– Потому что его все здесь бесит, а вид с балкона умиротворяет. Ему пространство нужно для размышлений, а то у него депрессия начинается. Гош, так и правда оказалось лучше – он доволен, мы спокойно живем в своей каморке. Так и выжили.

– Ева, это же дурдом! Как ты сюда попала? Почему просто не развелась?!

Леня вернулся с улицы и шуршал в прихожей, утрамбовывая остатки вещей в последний мешок.

– Слушайте, может, потом обсудите? Половина четвертого.

– Ребята, мне страшно, куда остальное-то пихать?

– Евка, уймись. Тойота тоже битком. Сейчас все решим.

Пока иди плесни себе валерианы. Или лучше коньячку.

– Мне страшно! Он ведь убьет нас всех к чертовой матери.

– Эвита, взрослая баба вроде. Да он от жалости к себе скорее скопытится! – Леня хохотал так, что страх отступал, и становилось уютно и надежно.

– Дорогая, не дрейфь. Страшнее, чем здесь, тебе уже не будет.

– Гайз, давайте без лирики. Я из-за вас сегодня сексом с красивой девушкой пренебрег.

– Ты про Соньку, штоль? Да ты ж на ней уже сто лет женат.

– И что? Секс бывает и после свадьбы.

Почти все рулоны, мешки и сумки, спрятанные на балконных стеллажах, уже перекочевали в машины. Друзья напоследок окинули взором комнату «отца семейства». По всем двадцати пяти квадратам Сегалова в первозданном виде со дня переезда громоздились огромные коробки, покрытые пылью. На них в строго определенном порядке лежали книги, альбомы, сушеные цветы, банки от лимонада, тряпки и много других важных вещей, каждая из которых была связана с какой-нибудь трогательной историей из его прошлой жизни. Вместо кровати на полу одеяло. К балкону через всю комнату шла узенькая тропинка между небоскребами барахла, которое не дай бог кому-то задеть и сдвинуть с места. По периметру комнаты Ева урывками, когда Сегалов отлучался, успела расставить стеллажи. На них перекочевали книги, диски и сегаловские коллекции солдатиков. Все было посчитано, учтено и неприкосновенно. Иногда Ева решалась зайти сюда, чтобы вытереть пыль. Местами со стен свисали отошедшие после потопа на крыше обои. Из потолка, изображая люстру, топорщились провода. Заросли плесени победоносно захватывали все больше квадратных сантиметров жилплощади.

– Ну, это... мы с Игорем сейчас сгоняем в Фили, все отвезем. Ты спокойно отдышись. Он не вернется. Думаю, уже километрах в ста отсюда. Бокальчик валерианы, опять же.

Мы приедем через час, покидаем детей – и все!

– Вы с ума сошли?! Хотите меня здесь одну бросить? А если он вернетс...

– Хватит, женщина! Так, послушай меня, пожалуйста, – Леня обнял трясущуюся девушку за плечо и шагнул с ней на кухню. Посадил к столу, вынул из кармана и расправил на столе обратной стороной сложенный вчетверо договор с владельцем грузового авто. Включил чайник, прикурил сигарету, протянул Еве.

– Этот Франкенштейн, которого ты так боишься, всего лишь тронутый умом несчастный мужик. Да, твой Сегалов до смерти заговорит любого и ужаса нагоняет профессионально. Но толку от этого? Если вернется, побеседуешь с ним про вселенскую любовь, избыточные потенциалы, карму, или что он там обычно проповедует? Мы с Гошей подъедем и интеллигентно вмешаемся. Я подержу его легонько за ручку, а вы с детьми спокойно оденетесь и спуститесь вниз. А пока покури, выпей чаю, напиши письмо объяснительное – на случай, если ему в милицию захочется обратиться. Ну, Эвита, ты чего? Напишешь: «Непреодолимо хочется жить отдельно от тебя. А выражение тобой несогласия в форме изящного насилия с изнурительными пятичасовыми скандалами не способствуют моему беспрепятственному переезду при свете дня и в твоём присутствии, козел!» Да, перепиши потом на чистом листе в двух экземплярах. И не потеряй. Козла зачеркни!

Дверь за спасителями закрылась. Ева затаилась, выдохнула, стараясь не смотреть на новенькую электрическую духовку с подсветкой, в которой она успела только однажды подогреть пищу – какой-никакой, а дом. А впереди была полная неизвестность. Успокоилась. «Делай, что должен». Написала письмо. «Ни о чем не думай». Переписала начисто, написала еще одно такое же. «Никаких волн жалости к Сегалову». Вспыхнула перед глазами последняя драка, его бешеные глаза, цепкие пальцы на шее и крик «Я же люблю тебя, сука!» Помыла и перевернула чашку. «Все будет хорошо». Вспомнила, как неделю назад сортировала на балконе для побега вещи первой необходимости. Мешок пеленок, мешок с одеждой Рите на вырост: на годик, на два. Плакала тогда, себя жалела. Представляла, как через год они живут на улице, зато Рита ходит в красивых платьях с розочками. А потом среди мешков зазвонил телефон...

– Ева, здравствуй. Это Лиля, жена Романа... Ева, Ромка погиб! В автокатастрофе. В Германии. Я должна сказать... Он тебя очень любил. Всегда.

Перестала реветь. Стало невыносимо пусто, и будущий побег уже казался лишь следующим шагом на ее бессмысленном пути.

В детской комнате беспощадно вспыхнул свет. Кешка

вскочил в кровать, посмотрел на маму и на незнакомых мужиков в черных кожаных куртках с игрушками в руках.

– Милый, вставай потихоньку, одевайся, мы едем к бабушке.

– Мам, я Мечташку и Акулу возьму?

– Конечно, бери. Собирайся.

Ничуть не удивленный Кешка сонно поплелся в ванную. Саня сползла со второго яруса кровати и молча побрела за братом, вспомнив вчерашний грустный разговор с матерью перед сном. Ева села на пол около детского матраса в углу, на котором спала с крошечной Ритой. Поменяла памперс, покормила, аккуратно, чтобы не разбудить, одела дочь, запихнула в кенгурушку. Саня по-солдатски собралась. Кешка в куртке с надвинутым капюшоном уже стоял в прихожей и подавал за дверь дяде Лене ящики с игрушками.

Комната опустела. Девять лет она спасала за толстой дверью Еву и детей, вмещала в себя от пола до потолка множество ящиков и коробок с пластилинами, красками и желудями, одеждой на вырост, учебниками, книгами и игрушками. Позволяла встречаться огромной компании здешних сердечных друзей Евы с детьми, устраивать соревнования, кукольные театры, беготню и прятки. Целая счастливая жизнь, несмотря ни на что, пробежала здесь, пока Сегалов спал весь световой день в своей норе. Огромная удача, что у него много лет назад день поменялся с ночью, и его это устраивало. И если получалось днем не нарушить его богатырский сон, а

вечером пораньше тихо умыться и успеть нырнуть под одеяло, то можно было притвориться спящими и слушать, как скрипит его дверь, шаркает тапочками в их сторону Сегалов, вползает и топчется в темноте посреди детской, а потом уползает, убедившись, что все спят. Значит, день был удачным и шалость удалась!

«Как я очутилась в это время в этом месте? Когда повзрелею? Боюсь, никогда. Из детства сразу в дремучую старость. Господи, дай мне хоть немного мудрости! – спохватилась. – Не утруждайся, без тебя обойдусь».

– Мам, поехали, бабушка ждет! – Кешка стоял за дверью в темноте в обнимку с Мечташкой, Акулой и фиолетовой орхидеей.

Ева наглухо застегнула куртку, поправила рюкзак на спине, обхватила руками спящую покладистую Риту в кенгурушке на груди, посмотрела нежно на отряд своих спасителей, увешанных погремушками и памперсами, на Саню, изображающую, что она не плачет, выключила свет и в очередной раз захлопнула дверь в прошлое.

Дорогой Колин Ферт!

Предлагаю на «вы». Ну, а что, мы же еще не зафрендились толком. Не представлены, да и вообще. Это очень странно, что я вам пишу, находясь в своем уме, согласитесь. Просто... ну, бред же?

Дорогой Колин! Если честно, я вряд ли решила бы вам писать, но мой начальник Клим и даже наши с Семирамидой сосед Петр Константиныч требуют, чтобы я влюбилась, дабы не рехнуться от своей бестолковой и совершенно ненормальной жизни. Честно говоря, я думаю, что им просто надоело мое нытье. У нас вчера Нильс застрял в унита-зе, еле вытащили с Константинычем. Мы потом курили на лестнице, и он сказал: «Вот умру, кто тебя будет спасать от твоих наводнений, пожаров, рухнувших шкафов? Сима что ли?» А Кешка вчера ночью застучал меня на кухне за беседой с холодильником. Говорит: «Мамочка, у тебя все хорошо? Заведи лучше себе друга-человека». А где его взять-то?

Дорогой Колин, не нашла в соцсетях ваших страничек, зато мой босс обнаружил в редакции ваш имейл в элитной адресной книге (у нас там все элитное). Не уверена, что он настоящий: я бы на вашем месте не разбрасывалась имейлами. В сущности, какая разница? Вы же вряд ли читаете по-русски? И Ливия, скорее всего, проверяет, пока вы в ванной, карманы вашего пальто, ведро для бумаг и вашу почту (я бы проверяла у ТАКОГО мужа). Так что я буду вам писать, а вы хотя бы притворитесь, что читаете. Мне уже будет приятно.

Простите, я не представилась: меня зовут Ева Колева. Мне 35, у меня трое детей, 1 съемная комната в Москве, 1 кот, 0 мужей, 0 квартир, 0 машин, 0 дач, 0 кредиток, 0

накоплений, О своих бизнесов, О алиментов, О понимания, как жить дальше. И я вас люблю. Извините, что вот так сразу. А что откладывать? Так же понятнее, зачем я отнимаю ваше время. И я бы должна, но не могу ни в кого влюбиться, потому что сердце мое безвозвратно и навсегда отдано вам. Вот вам со мной и разговаривать.

Можем начать с погоды. Весна! Скажи, а что ты обычно делаешь весенними вечерами? Дай отгадаю: едешь к морю! Далеко? В лес? Нет? Может, просто забираешься на холм и смотришь на крыши Читта-делла-Пьеве? Запах лаванды, мотыльки, Лучано Паваротти в наушниках? Я вот несусь домой с работы, захожу, разбираю Саню и Кеику. Вечно выясняют, чья очередь играть в Риту. Вытираю все, что они за день разлили, уронили и размазали по полу с помощью Нильса. Нильс – это наш кот. Он скорее похож на енота, но менее харизматичен. Дальше, намывая посуду, занудно объясняю всем пользу от уборок за собой и делания уроков. Пропускаю звонок от своего начальника Клима, а на телефоне кончились деньги. А кот, оказалось, вытер остатки пролитого сиропа спиной об ковер. Пока спасаю ковер, вспоминаю про пельмени в сумке. Выбрасываю растаявшую жижу, иду спасать кота. На ужин снова гречка! Я спокойна... Я люблю гречку...

Знаешь? Ой, я на «ты» перескочила, простите. А мне нравится с вами говорить. За версту видно умного и вни-

мательного собеседника. Серьезно! Наткнулась недавно на интервью с вами: чертовски здорово смеетесь! Мне именно вас не хватало всю жизнь: тонкого, остроумного, смешливого, дурашливого и абсолютно идеального мистера Дарси. Поскольку мужчин в нашей семье нет, Кешика еще слишком мал, чтобы причислить его к этой категории, я легонько обопрусь о ваше уютное и надежное плечо. Мужчина в доме необходим, так что устраивайтесь поудобнее, будем брать с вас пример и относиться с должным уважением.

Классно поболтали! Ой, совсем ночь уже! Хорошо, что дети давно спят. Пора нырять в пижаму, чистить зубы и спать. Надо же, я дружу с Колином Фертом! Напоминайте мне иногда, что все будет хорошо, а то Семирамида Давидовна в основном призывает готовиться к Вселенскому Апокалипсису. Кто такая Семирамида? Ой, нет, завтра расскажу. Обнимаю и до скорого!

Ваша Е.

P. S. А давайте на «ты»?

Глава 2

Жизнь возвращается Граффити, страх и чупа-чупсы

Ева открыла глаза. Их новое жилище согревало солнце. На мгновение показалось, что вокруг море – синие бока мусорных мешков горбились, как волны на японских гравюрах, и покрывали всю комнату. Было удивительно хорошо. Воспоминания о прошедшей ночи казались сном. В маленькой комнате от стены до стены поместились ровно три детских матраса. Саня с Кешкой спали рядом в обнимку, Рита укатилась в дальний угол комнаты и свернулась калачиком на полу.

Ева вспомнила короткие инструкции Игоря относительно квартиры и общей домашней обстановки и сегодняшнее сумасшедшее утро. Побег успешно финишировал: подъехали к древнему дому в спящем дворике в Филях. Мешки бегло подняли по лестнице и утрамбовали в крохотной двушке. Леня обнял Еву и детей, сунул ей в карман пятитысячную бумажку и исчез в лучах восходящего солнца. Игорь окинул взором содержимое двух грузовиков, покрывшее всю квартиру, и зевнул.

– Смотри, матрасы положил в маленькой комнате. С остальным разберешься. Квартира моей тетки. Она с приветом была, на стенах рисовала.

– Черной краской?

– Ну, какая была. Это даже не рисунки, шифры какие-то наскальные. Фиг разберешь. Буквы вроде латинские, а смысла нет. Может, ты прочитаешь. Наша бабушка была очень идейной. Ее репрессировали в тридцать седьмом. А тетка всегда была странной, замуж ее никто не взял. Так она сначала повернулась на изучении языков: отец говорил, десяток их знала. А потом нашла бабкины словари и книги на эсперанто и стала изучать. Там даже «Капитал» Маркса был. А к старости совсем сбрендила: все стены исписала. Эти надписи на эсперанто, наверно, и есть. Дом снесут к новому году. Жильцы в основном съехали.

– Мама, я спать хочу.

– Саня, ложись, прямо так пока, на пол. Кеш... Спит уже. Помоги мне его до комнаты дотащить.

Игорь осторожно обхватил Кешку и унес к Сане. Ева сползла на мешки в большой комнате.

– Ты отдохни. Номера поменяла? Не будет звонков?

– Ага, и провайдера поменяла, и номер его заблокировала, не найдет.

– Хорошо. На кухне посуды разной полно, газ есть. Магазин недалеко, справитесь. Ванна страшненькая, но вода горячая есть. Не дворец, конечно, и мебели почти нет, зато бес-

платно.

– Что ты! Это самые лучшие апартаменты на свете!

– Факт.

– Спасибо вам с Леней огромное! Вы нам жизнь спасли...

– Старуха, отстань. Чо такого-то? Все, отдыхай. Да выдохни уже! О, забыл: дверь не запирается. Забей, никому вы тут не нужны.

Гошка ушел. Усталость все настойчивей подкашивала ноги. «Спать. И ни о чем не думать». Ева посмотрела на огромные буквы на стене под потолком. AR... дальше запутанно. D... VIV, и рожица. Или O, непонятно. Черные линии, скорее всего, изображали дерево. Только листья с его веток опали и прилипли к висящим в воздухе корням. В правой части стены красовался рисунок, похожий на многократно наложенные друг на друга цветы из шести лепестков.

– Так, когда проснусь, будьте здесь – вы же не можете мне сниться, – и растянулась рядом с сопящими в обнимку детьми.

Очнулась через пару часов, когда солнце уже ярко светило в окна. Посмотрела по сторонам – граффити были на месте. Мешки тоже. Поднялась, вернула укатившуюся на пол Риту на матрас. Громкий голодный крик малышки ознаменовал начало нового дня, новой эры Евиной новой жизни.

Такого беззаботного веселья с ними не случилось давно!

Дети восхищались новым домом, видом из окна, необычными стенами. «Кешка даже не спрашивает, почему мы здесь, а не у бабушки, и что все это значит. Бедные мои мудрые дети». Сразу бросились искать в мешках ноутбук и диски с мультиками. Мгновенье – и все трое (Рита подползла на четвереньках и уставилась в монитор) погрузились в «Дом воображаемых друзей мадам Фостер». Дети хохотали во весь голос. Ева, напевая, нашарила на кухне кастрюлю, вынула из морозилки припасенные заранее Игорем вареники с вишней и приступила к приготовлению торжественного завтрака.

Квартира источала уют и тепло всеми своими стенами, окнами, послевоенными тумбочками и заслуженной сантехникой. У Евы было совершенно магическое состояние, будто они и правда попали в родной дом после долгих скитаний. Толстый слой пыли на подоконниках вполне сгодился бы на валенки. Розетки устало свисали из стен, зато плинтусы приросли на века. Большую кухню венчало огромное окно с выходом на просторный балкон, который каждую минуту мог обвалиться. Но это не лишало его очарования. На балконе умещалось полное собрание передовой техники всех времен: холодильник из шестидесятых, телевизор из восьмидесятых, послевоенный радиоприемник, настольная лампа периода Ильича в Шушенском, лыжи – ровесники Петра и уют из раннего Мезозоя. Над кухонным столом красовалась раскидистая люстра-тарелка, а карниз придерживал кружевные, некогда белоснежные занавески.

За завтраком снова смеялись. Было непривычно хохотать и не прислушиваться к шагам в соседней комнате, разговаривать и не бояться разбудить вечно раздраженного спростонья и готового к назидательным беседам отца. Сахар в чай накладывали горками – некому было следить за здоровым питанием. Бутерброды с колбасой жевали медленно – никто не мог появиться на кухне с вопросом «Все мясо жрете?» Прошедшую ночь не вспоминали. Дети вели себя так, словно жили в этой квартире уже тысячу лет. Ритино беззаботное веселье особенно умиротворяло. Вулкан у Евы внутри затухал и тихо позевывал.

Кешка вдруг закричал из комнаты:

– Смотрите, прямо у подъезда – ларек!

Саня схватила куртку и понеслась к двери.

– Догоняй!

Потом остановилась. За много лет сегаловского безработья и безденежья дети привыкли к фразе «купим, когда будут деньги». Ева успокоила:

– Пойдем-пойдем, деньги есть!

Все оделись и устремились на улицу. Вот это был восторг! Дома, в Косино, процветал тотальный отцовский контроль за покупкой еды. Сегалов посредством скандалов и наказаний утвердил постоянный и необсуждаемый список рекомендуемых продуктов: молоко согласованной марки, правильный сыр, пакет «Мишек на севере», творог, кусочек мяса и так, по мелочам. И не дай бог кому-то схватить на кас-

се чипсы или чупа-чупс! Заботу о здоровье семьи Сегалов понимал как-то очень по-своему, и попытки препятствовать жестко пресекал. Неприятных историй, связанных с едой, было предостаточно: не то молоко – скандал, вместо «Мишек на севере» «Маска» – скандал, съеден последний кусочек колбасы из нарезки, когда он на него рассчитывал – скандал часа на три. Патетичность высказываний, театральность поз и интонаций, которые должны были донести до преступника тяжесть его деяний (испорченное настроение отца, пренебрежение семейными ценностями) впечатлили бы и Станиславского, и Шекспира. Сегалов жил в доме четвертым ребенком, но при виде дамских штанов с заниженной талией тут же взрослел и старался как бы невзначай познакомиться. Так, на всякий.

У ларька можно было снимать эпизод про освобожденных узников Азкабана. С вытаращенными глазами скупали все, чего были лишены много лет, и вовсе не потому, что это было полезно или вкусно.

– Сок, тропический! Дайте два пакета! – кричала Саня.

– Чипсы с крабом! Еще с холодцом! Сухарики с чесноком! – вторил ей Кешка.

Рита тоже что-то кричала и размахивала кулачками. Саня с Кешкой разошлись не на шутку:

– Еще лимонад, самый дешевый, за пятнадцать рублей! – Вот тут Сегалова бы хватил удар.

– Сникерс. Два! И чупа-чупсов давайте, все вкусы! Кольца

кальмара к пиву! – Сегалов умирает в корчах.

Ева с тихой улыбкой заплатила за покупки, и семья направилась обратно в подъезд.

По лестнице бегали вверх и вниз люди с мешками и сумками. Грузчики, согнувшись, спускали к подъезду диваны, холодильники, шкафы. Отсутствие лифта развивало смекалку и тренировало мышцы. Массовый исход продолжался весь световой день – лампочки в подъезде не горели. Жители покидали старое жилище и уже привыкали к новому. Только Ева с детьми наслаждалась своим новеньким, свеженьким и таким ошеломляющим счастьем!

День пронесся незаметно. Мешки выложили баррикадами вдоль стен, и стало просторнее. Щеголяли в пижамах, обходились минимумом вещей. Саня, внезапно освобожденная от школы и домашек, возилась с Ритой. Кешка методом дедукции (ковыряя пальцем мешки) выудил свой альбом и фломики и самозабвенно, с высунутым языком, рисовал. У Евы никак не появлялось ощущение, что ее парашют приземлился – штормовые волны страха то и дело накатывали на песчаный берег ее внутреннего покоя. Весь день обзванивала друзей, давала свой новый номер, десятки раз повторяла историю побега.

Маму беспокоить не стала, потом. Позвонить Сегалову набралась решимости только к ночи. Отбитые детством ощущение границ и уважение к себе постепенно образовали у

Евы железную заслонку в области горла. Она не умела говорить «нет» и отстаивать свою точку зрения, особенно если собеседник был на взводе. Как только в диалоге назревал конфликт, деликатно замолкала и отползала в уголок. Воевала она только с собой. Возражать Сегалову перестала на третий день совместного существования. Наступать на его большие мозоли оказалось опасно для жизни. После первой же попытки не согласиться, получив пару пощечин с последующим трехчасовым серьезным разговором о ее недостатках и неспособности любить по-настоящему, Ева избрала тактику молчаливого интуитивного лавирования по сегаловским минным полям. Много раз потом она пыталась понять, почему не ушла. На вопросы друзей и матери не знала, что ответить. Когда в ее жизнь на бульдозере въехал Сегалов, Ева словно оказалась в мясорубке. И хотя в первое время еще можно было выбраться наружу и захлопнуть дверь, она продолжала как зачарованный кролик смотреть удаву в пасть.

Дети спали и улыбались во сне. Еву захлестывали волны адского страха от одной мысли о звонке. Она девять лет говорила Сегалову лишь то, что он хотел слышать. А позвонить и сказать правду в лицо не могла. Но надо было с этим покончить. «Ох уж эти страхи! Как бе-з-з-з них было бы хорр-рошо». Еву трясло. Надела пальто, сверху укуталась одеялом, выпила валерьянки. Набрала номер, сбросила, нащупала на дне сумки sos-кулон. Ева носила его уже много лет в кармане сумки и сжимала в кулаке, как только собственные

силы покидали. Закурила и высунулась в окно кухни. Разжала кулак: от острых деталей кулона на ладони были застарелые мозоли. В боях с Сегаловым кулон был просто незаметным. Когда-то в прошлой жизни он попал к ней случайно, и, в принципе, ей было все равно, кто на нем изображен. Богиня сложно вспомнить чего одной ногой стояла на земле, а другой попирала лежащего мужчину. Шесть рук держали что-то колющее, режущее, и что-то неразборчивое. Длинный высунутый язык спадал на грудь, а волосы развевались, как змеи. Остальные детали сложно было разобрать – кулон был совсем небольшим. Множество раз, когда враг наступал, а собственные силы обороны были деморализованы, Ева из всех сил сжимала кулон, представляла себя богиней с высунутым языком, подбадривала дремлющих на голове змей и защищалась от противника острым мечом.

Убедившись, что антиопределитель работает, Ева решительно набрала номер. Главное – быстро все сказать, бросить трубку и не дать себя заговорить. На том конце безмятежно спал Сегалов.

– Привет.

– А, привет, любимая, я в Ярославле. Очень соскучился. Как вы там? Все время думаю о вас. В следующий раз вмес...

Ева собрала все разбежавшиеся в страхе силы, сжала кулон до невыносимой боли и дрожащим голосом произнесла:

– Мы уехали навсегда. Не ищи нас.

– В смысле? Куда уе...

Ева сбросила звонок. Отключила телефон и сползла на стул. Тело содрогалось. Страшно было так, что можно сойти с ума. Холодный пот тонкими струйками стекал по спине, и, казалось, заполнял комнату, смешиваясь с солеными слезами.

– Убирайся к черту, сволочь! – Ева решительно вскочила и швырнула телефон в прихожую. Но в него все еще ядовитым змеем мог протиснуться сквозь все блокировки вездесущий Сегалов. Помедлила, подошла и придавила трубку мешком с мусором. А сверху поставила на мгновение правую ногу. Через несколько минут устройство связи с внешним миром было окончательно повержено и просило о пощаде под несколькими мешками с одеждой и парой ватных одеял.

Ева пыталась отключиться, но сна хватило только на детей. Пробовала читать надписи на стене. Но буквы сливались местами в непроходимые дебри. Одна фраза, правда, сохраняла свой внешний вид, хотя и не стала от этого понятней: *vi peniam aŭdos vin ĝis aŭskulti aliajn*. Над ней были разбросаны наверняка очень важные черточки и галочки. Ева несколько раз прочитала это выражение справа налево и наоборот. Когда счет всем овцам на земле был уже потерян, сердце оставило попытки выскочить из вен, а веки стали тяжелеть, Ева вздрогнула от тихих причитаний за стеной.

– О-о-ой. А-а-ай. О-о-ой. А-а-ай. О-о-ой. А-а-ай, – старческий голос тянул странную песню. Соль-до-соль-до-соль-

до... Стучать в стену и просить утомониться оказалось бесполезно. Других слов и нот в песне не было, поэтому точный смысл от Евы ускользал. Но ее уже ничто не удивляло, не расстраивало, не восхищало, не злило и не трогало. Она смотрела в потолок и пыталась вспомнить, с чего все началось. Как перед смертью, говорят, вся жизнь, и все такое. «Зачем я здесь? И что со мной не так?..»

Глава 3

Флерово Бездна противоречий в райских куцах

Поселок Флерово в начале шестидесятых вырос как гриб в подмосковном лесу. На многие километры вокруг простирались березово-еловые холмы и бархатные равнины. Шумели ветра, цвели незабудки, носились пчелы, разнося на лапках душистую пыльцу. Лесное море прерывали только редкие островки человеческого жилья с гармониями маленьких домишек на холмах. И вдруг среди мхов и муравейников появился ничем не примечательный снаружи институт ядерной физики. А чтобы не нарушить интимность ситуации, всех его служащих тоже поселили в лесу. Буквально за пару лет рядом с институтом вырос крошечный поселок, скорее напоминающий столичный микрорайончик из пятнадцатиэтажек, со своей миниатюрной инфраструктурой и научно-интеллигентской атмосферой.

В семидесятые годы двадцатого века жизнь протекала весьма размеренно. В кинофильмах километры пленки уходили на созерцание героями звездного неба и молчание у ко-

стра. Стоя в очереди за молоком, сапогами или справками из ЖЭКа, можно было успеть прочесть «Войну и мир». Люди собирались друг у друга в гостях и подолгу рассуждали о высоких и низких материях, не глядя на часы.

Флерово являло собой модель образцово-показательного поселения советского человека. Автобус до Москвы ходил через каждые полчаса и останавливался прямо у метро. Проезд стоил пять копеек: флеровцы формально считались москвичами. По субботам между домов колесил небольшой грузовик, раскидывая по квартирам академиков и кандидатов наук заказы в авоськах: тушенку, мясо криля, мандарины, колбасу, сгущенку и что-то еще в бумажных кульках. В местный Дом культуры то и дело приезжали народные артисты, юмористы и циркачи, знаменитые певцы и киноактеры. Кружки шахмат и хорового пения всегда были рады и самим физикам, и их отпрыскам. На уютных улочках из клумб и гипсовых вазонов торчали благоухающие петунии и цикламены.

Детство Евы вполне могло быть безоблачно-пионерским, как и у ее сверстников. Интеллигентная семья, дружная компания, школьные походы в лес с песнями у костра. Но, видимо, при ее рождении что-то пошло не так. То ли квадратными, то ли разновеликими были колеса ее колесницы, но по ухабистому жизненному пути она с самого начала поехала криво и с вынужденными остановками.

Девочка появилась на свет в начале семидесятых, в семье,

которая с натяжкой вписывалась в поселковый ядерно-физический контекст. Отец наградил ее слабеньким ростом, большими глазами и маленьким вздернутым носом. Мать компенсировала не выдающиеся внешние данные фантастическим упрямством. Дома не было ни одного физика. Вернее, доктором наук был дед Михаил, но он насладился чистым лесным воздухом Флерово только полгода. Получил квартиру и оставил ее и этот мир. Теперь Еву окружали сплошные творцы да мыслители. Супруга деда, бабушка Фима, была воинствующим атеистом и обличителем верующих во спасение, пережитком далекого прошлого с тонким налетом дворянства в корнях. На вид ей всегда было лет двести. Когда-то, между обучениями в трех институтах туманной направленности, Фима рожала детей, идейно направляла их и по-спартански растила, пока дед самозабвенно служил ядерной физике. Маленькая сухонькая старушонка чуть что трясла своим партбилетом, любовно завернутым в газету «Правда». Однако это не мешало ей мечтательно вспоминать бабушку, которая хаживала к губернатору на балы, читать внукам Гюго в оригинале и напевать немецкие песенки, когда месила тесто для пресных пирогов. В одну из Фиминых инспекций шестилетняя Ева обняла бабушку и сказала:

– Фимочка, я так сильно тебя ждала. Это я бога попросила, чтобы ты приехала.

– Что?! Евушка, майне либе, какого бога?

– Который на облаке. К нам баба Нюра приезжала, сказа-

ла, что он все видит. Даже когда папа в темноте прячет бутылку в ящик с красками.

– Баба Нюра твоя – дремучесть непроходимая! Какой бог? Ты ей скажи в другой раз, что за облака уже наши космонавты летали и не нашли никого! Я вот по телевизору программу смотрела «Человек. Земля. Вселенная». Там один ученый рассказывал, как умерла у его друга жена. Тот заплакал, а потом как закричит в небо: «Эй ты, бог! Ты там есть или нету тебя? Если есть, убей и меня! Зачем мне такая жизнь?!»

Ева вздрогнула: маленькая, но грозная Фима стояла в дверном проеме, воздев театрально руки к небу, а указательный палец правой руки тянула к потолку.

– Ой, бабушка, страшно-то как. Убило его?

– Черта-с-два! Живехонек остался. Был бы бог на небе, так разозлился бы и прихлопнул. Так что не слушай бабушку Нюру. Пусть лучше сказки тебе рассказывает да носки вяжет.

Фима уже несколько лет жила со своей сестрой на дальних рубежах Подмосковья. Поэтому Гюго, пироги и лекции по атеизму теперь обрушивались на Еву совсем редко. Только письма писать мама заставляла регулярно: «Здравствуй, бабушка Фима! У меня все хорошо, и погода у нас хорошая. Ауфвидерзеен».

Мать не любила отвозить Еву на лето к бабушкам: ребенка главное – не залюбить, а им только волю дай. Отец как-

то пробормотал, что Татьяна, скорее всего, подкидывш: Анна Семеновна не могла такого матроса Железняка воспитать. Ева потом долго думала, что мама из железа состоит. А может, так оно и было...

Бабушка Нюра души не чаяла в единственной внучке, так на нее похожей: тяжелые темные косы, тонкие упрямые губы, высокий лоб. Только бабушкиного исполинского роста не хватало. Нюра никогда не бывала ни грустной, ни сердитой. Если улыбка сходила с бабушкиного лица, значит, она вспоминала, куда положила муку. Нюру не расстраивали ни поздние внучкины возвращения домой, ни порванные штаны, ни грязные следы от сапог в доме, ни недоеденные супы. Бабушкин дом на Волге был раем на земле. Ева иногда подумывала попроситься жить к ней насовсем, но духу не хватало сказать об этом матери, да и отца одного оставлять не хотелось. Хорошо, что на свете существовали каникулы! Баба Нюра жила в каменном доме с садом на окраине маленького волжского городка. Как-то после холодной зимы Ева долго не выздоравливала, кашель не проходил. Тогда мать забрала ее из детского сада и отвезла к бабушке на месяц раньше, когда цвели сады. Маленькая Ева попала в сказку. Весь поселок утопал в цветах. Под абрикосами ветер раздувал зыбкие розовые сугробы из лепестков, зацветали черешни. Еще день-другой – вишни и груши кучевыми облаками распускались над заборами. И последними яблони раскидывали калейдоскопы розовых звездочек по всему поселку еще на несколь-

ко дней. Цветы в палисаднике и огороде цвели у бабушки и весны до поздней осени.

– Бабушка, зачем тебе столько цветов?

– А тебе не нравится?

– Очень, очень нравится. Просто ты устаешь, столько работаешь. А они все время отцветают, да зимой замерзают иногда. Соседи вон только тыкву сажают, арбузы, да огурцы.

– Хочу, чтобы как у Господа Бога было у меня. Как у него в райском садочке.

– А как там у него?

– Сказывают, что очень красиво! Цветочек к цветочку, и все распускается круглый год. И птички летают красивые, сплошь певчие. И звери разные бродят. Града не бывает, ветры сильные не дуют. Хошь, дождичек пойдет, хошь, солнышко выглянет.

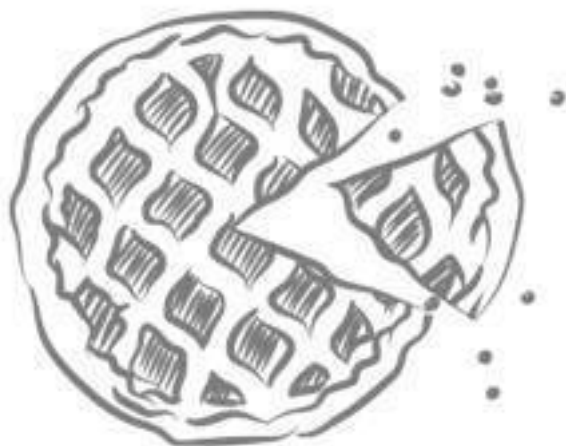
– Бабуля, а кто это все сажает? И сорняки рвет?

– Я вот тоже думаю, не может оно там само расти беспризорно. Небось, садовник у боженьки заботливый: и за деревьями ухаживает, и за цветочками успеваает. А сад-то бескрайний, говорят, и зимы в нем не бывает. Оно, конечно, Господу отдыхать где-то надо. А то он все об нас печется, а кто о нем позаботится?

Ева сколько ни пыталась себе боженькин сад представить, а все бабушкин только и виделся. Абрикосы, черешня и яблони в сторонке, кудри малины вдоль забора, беседка, поглощенная диким виноградом, кусты пионов, дельфиниумы

на тонких ножках тянут шеи к соседям, колокольчики выше Евы ростом шуршат друг о дружку, спутанные космеи и шапки георгинов. А посередине ковер из мягкой травы, маргариток и анютиных глазок. Ева, даже когда выросла, лучшего места на земле не могла себе представить. Когда ей бывало особенно плохо, она закрывала глаза, мысленно снимала сандалеты, босыми ногами вставала на ковер из маргариток и бродила по нему аккуратно, чтобы не наступить на мелкие цветы. Этот влажный запах вечерней травы был запахом счастья.

От бабушки Ева уезжала в слезах. Но во Флерово скучал по ней отец. Мама тоже скучала, но это в глаза не бросалось. Больше никто не ждал. В общих дворовых догонялках, вышибалах и прятках она старалась не участвовать. Только если ребята очень уговаривали, что бывало нечасто. Все вокруг пугало и грозило подвохом. Так что Ева сократила контакты с реальностью до минимума. Придумывала себе игры, и сама в них играла. Сама в них была космонавтом, сама – инопланетянами. Сама – дочкой, и сама же – матерью. Ей нравилось хотя бы в играх делать то, что хочется. Ева чувствовала, что у нее нет ключа к миру вокруг. Он совершенно точно имел какие-то принципы построения, но ей никак не удавалось их распознать. Так что мир шел своей дорогой, а Ева своей.

Глава 4

Роман

Гордость и предубеждение

На одной из своих дорог Ева повстречала Ромку. Ей было около шести. Она стояла у котельной и била мячом об стену, а рядом мальчишки играли в «Слона». В одной команде участники выстраивались в колонну, согнувшись буквой «г». Каждый обхватывал стоящего впереди за талию. И этот многоногий слон должен был дойти до края асфальтовой площадки, пока другая команда один за другим запрыгивала ему на спину, стараясь повалить. Возня стояла ужасная: мальчишки толкались, кричали и падали на землю. Ева не сдавалась и не уходила, хотя подступы к стене то и дело были закрыты.

– Вы мне мешаете! Я первая сюда пришла!

Но ее никто не слушал. Все новые мальчишки запрыгивали на шевелящуюся массу. И тут слон начал раскачиваться и покосился! Когда Ева поняла, что сейчас будет погребена заживо, кто-то схватил ее за руку, рванул в сторону, и она упала. Повернула голову – рядом с ней на траве лежал незнакомый мальчишка.

– Ты чего?!

– Они бы тебя раздавили.

– Я тебя не просила, я сама могу.

– Я хотел помочь.

Встал, отряхнул штаны, протянул Еве руку.

– Меня Рома зовут, а тебя?

– Не скажу!

Ева встала сама, отыскала мяч и быстро побежала домой.

В другой раз ее уговорили играть большой компанией в прятки. Дети собрались очень разных возрастов. «Хорошо, что здесь не надо в команду записываться, я сама за себя буду», – подумала Ева и согласилась. Водил десятилетний Сережа из ее дома. Он ей немного нравился, но разговаривать со старшими мальчиками Ева побаивалась, так что оставалось только надеяться, что он ее когда-нибудь заметит. Сережа неплохо водил, но Ева мастерски умела прятаться. Он застукал уже пятерых, и когда отправился обследовать дальние пределы, Ева, передвигаясь от куста к кусту, почти добралась до главного столба. Оставалось каких-нибудь тридцать метров, когда Сережа повернулся и издали заметил ее. Ева пулей полетела застучиваться! Бегала она быстро, но Сережа ничуть не уступал. Ева неслась к столбу и шептала «туки-туки за себя, туки-туки за себя», краем глаза наблюдая стремительный полет Сережи. Вдруг она увидела Рому. Он бежал к столбу ей навстречу. Ева растерялась на мгнове-

нье, но прибавила скорости, обернулась в последний момент на Сережу и «бац!» В глазах потемнело, зашумело в голове, засверкали молнии – Ева с Ромой после лобового удара на скорости света оттолкнулись друг от друга и разлетелись в разные стороны.

Это было очень больно. У обоих на лбу засиреневели шишки. Но сильнее всего была обида. По крайней мере, Ева негодовала! Подбежал Сережа.

– Туки-туки за Еву! Туки-туки за Рому! Вот это удар! – и побежал искать остальных.

Ева закрыла лицо руками. А когда открыла, Рома сидел на корточках рядом и краем рубашки вытирал ей лоб. Странно, но кричать на него не хотелось.

– Больно? Вставай.

– Меня мама убьет. Но сначала будет долго ругаться. Как мне домой теперь идти?

– Пойдем ко мне. Моя мама йодом тебя намажет.

– Ладно, – Ева подумала мгновение, поднялась и отряхнулась, – меня Ева зовут.

– Я знаю.

Оказалось, что Ромка уже закончил первый класс, а живет в доме напротив. На пороге встретила его мама. Пухленькая, мягкая, с белыми кудрями и подрисованными бровями и стрелками, она напоминала добрую королеву. Ольга Ивановна представилась и сразу начала ухаживать за Евой. Та

все время только удивлялась.

– Господи, кто вас так?!

– Мам, это Ева, мы лбами ударились. Ей надо шишку намазать чем-нибудь.

– А тебе не надо?

– Само пройдет.

– Ну, заходи, моя милая, садись на диван, я сейчас подойду. Ух, косищи у тебя какие! Как вы вовремя, я уже обед приготовила. Макс! Раздвинь, пожалуйста, стол. Будем обедать большой компанией!

Еве казалось, что она внутри кино. За шишку не влетело, обнимаются с порога, чужой девочке рады, а Ромкины мама с папой и вовсе разговаривают как друзья.

Вскоре на столе сверкала позолоченными краями супница и поблескивали такие же праздничные тарелки с борщом. Ромкин папа, похожий на Шурика из «Кавказской пленницы», пристраивал между тарелками свеженарезанный хлеб. Ева с Ромой с одинаковыми крестиками пластыря на лбу сидели рядом. Мама с улыбкой их разглядывала, ела и продолжала щебетать.

– Евочка, твои родители тоже физики?

– Нет, папа – художник, он в художке работает, в Доме Творчества. А мама – учительница.

– Ух ты, художник! Как у вас дома интересно, должно быть!

– Нет, совсем не интересно. – Ева запнулась.

– А мама в школе работает?

– Нет, в Москве, в институте. Про книги рассказывает.

– Ты, наверно, кучу книг прочитала, с такой мамой! – подключился дядя Макс.

– Нет, я не люблю читать. Я рисовать люблю. Папа мне сделал маленький мольберт, и мы вместе рисуем. Я – людей, а он – голых тетей и цветы.

– Ясненько. Евочка, приходи к нам в гости, а то Ромашка все время один.

Рома сердито посмотрел на маму.

– А что? Постройте из стульев баррикаду, разделитесь на два лагеря, и кидайтесь подушками!

Евины глаза вылезали из орбит.

– Да, Ева, заходи. Кстати, у нас с друзьями иногда бывают вечеринки – поддержал дядя Макс и понизил голос, – с рок-н-роллом. И родителей своих приглашай, будем рады.

Ева представила себе веселую компанию танцующих людей. Мама точно на такое не согласится.

– Я папу позову, он придет.

– Вот и славно. Макс, давай чайку?

– Ага, Олечка, заварю.

– И пирог доставай. Ева, любишь яблочные пироги?

– Не знаю, мама не печет, а бабушка с капустой только делает.

– Тогда знакомься, этот – яблочный!

На Флерово опускался воскресный вечер. Ева вдруг спохватилась.

– Ой, мне дома сейчас влетит! Хорошо, если папа пришел. Побегу.

Обернулась и посмотрела сквозь комнату на небо.

– Рома, смотри, там мой балкон! Папа нарисовал вокруг окна сирень! То есть, написал. Он говорит, надо так говорить.

– Да, я знаю, вижу вас иногда.

– А приходи к нам тоже. Я позвоню, когда будет можно. Спасибо, тетя Оля и дядя Максим. Рома, пока!

Ева бежала домой, отмахиваясь от странного чувства, что бежит из дома. «Вот бы мне таких родителей, которые все разрешают. Если бы мама только на них посмотрела, она бы сразу поняла, что так можно. Может, она просто не знает?»

Глава 5

Лонли сандей морнинг Новая жизнь со старыми дырами

Счастливая суэта продолжалась уже несколько дней. Недавнюю прежнюю жизнь не вспоминали, как будто ее и не было. Рита росла не по дням, а по часам, спешила жить. Ей не было еще шести месяцев, а она уже твердо держалась на четвереньках и, медленно раскачиваясь и падая, норвила кубарем передвигаться по комнате. Старшие лепили, рисовали, собирали лего-машинки и лего-домики. Ева старалась не фантазировать о том, что делает сейчас бывший муж. С первых дней засевшие в оборону друзья удивлялись его подозрительному бездействию. Оскорбленный отец не звонил, не ломился в двери, не требовал сообщить телефон. Ева тоже недоумевала: «Надо же, просветлел, что ли? Может, дошло, что переборщил с любовью? Да вряд ли, скорее всего, запасает ядра для пушек и слезами заливается».

Пару раз звонила директор Саниной школы.

– Ева Серафимовна, как вы устроились, как Александра?

– Светлана Сергеевна, мы в порядке. Я завтра начну искать квартиру, у нас интернета нет, будет сложновато, но ни-

чего, найду.

– Вы, пожалуйста, ищите поскорее. Если еще пару недель Саша не появится в новой школе, я буду вынуждена сообщить в инстанции. Простите, такие правила, я бы с радостью...

– Все понимаю, очень постараюсь.

– Кстати, ваш муж не приходил вас искать. Я всех охранников предупредила, но нет. И в милицию, думаю, не обращался, уже бы пришли к нам.

– Поняла. Спасибо вам за все.

– Берегите себя, милая.

Ева нащупала кулон, сжала в кулаке до боли. Но страх не покидал тело. Его концентрация в крови давно обскакала эритроциты. Ева, сколько себя помнила, была соткана из панических конвульсий и пульсирующих мыслей. Любое событие, от упавшего на асфальт сухого листа до вселенского пожара, она умела мгновенно докрутить до трагического финала. Сегалов затаился? Так это просто: приехал домой, прочитал письмо, взял нож и бродит по городу, шантажируя ее друзей и забирая их в заложники. Заложников набрался уже целый подвал. Они там с родителями и детьми, связанные и голодные. С одним из них он сейчас едет в Останкино, чтобы ворваться в новостной эфир и на всю страну пригрозить Еве расправой. Когда кто-то из друзей не выдержит пыток и разговорится, разъяренный мавр найдет Евино убежище и попытается украсть детей. Ева представила перекошенную

физиономию Сегалова. Передернуло. И таблетки наверняка окончательно забросил. А без них он звереет и начинает без перерыва есть.

Ядерную реакцию прервало громкое пыхтение Кешки: «Вылезай, говорю!» Карандаши застряли в мешке, что-то внутри мешало их достать. Сын не сдавался, тащил. Поднапрягся, дернул, и из недр синего кита вылетели коробка «Самоцветов» и маленькая фотография в деревянной рамочке.

– Мама, это кто?

– А, это дедушка Серафим.

– Какой дедушка? Здесь дяденька молодой с ребеночком на руках.

– Это мой папа, а это я. Мы на его выставке. Видишь? Картины на стене.

– А, ну ладно.

Кешка быстро потерял интерес и унесся рисовать пиратов. Еве вспомнилась времен института история, когда она ездила во Флерово к матери за теплыми вещами и нашла эту фотографию. Перебирала тогда на полках книги, искала, что бы почитать. Когда-то отец прятал сам от себя бумажные деньги в произведениях классиков. Любимые писатели надежно хранили его сбережения от трат на портвейн и коньячок. Но в трезвом уме Михалыч не мог вспомнить, кого из любимцев выбрал накануне.

– Ева, не помнишь, в последний раз был Бунин?

– Папочка, я не знаю.

– Нет, Бунин пуст. Тургенев? Вот, елки-палки. Ну, не Горький же!

Ева перебрала несколько книг в надежде наткнуться на рубль из прошлого. Вдруг из Искандера вылетела на пол фотография. «Ой, это же мы. Выставка, что ли? Я у папы на руках, мне лет пять. Вот его «Деревья зимой»...

– Мам, это когда было? Ничего не помню.

Мать выглянула из кухни.

– Ты же весь день была с ним, как ты могла забыть? Он так наотмечался тогда. Странно, что в Ленинград вместо Павлика не улетел.

Мама раздраженно исчезла на кухне, прогоняя воспоминания. Продолжила, гремя посудой:

– Он пол-Москвы и весь поселок пригласил тогда на фуршет по случаю.

Вдруг Ева вспомнила запах кожаного ремешка отцовских часов. «Сейчас-сейчас, не сбивайся». Она крепко держала его за руку, а отец все время смотрел на часы – мама опаздывала уже на полчаса. Он ждал ее! «Вот, точно! Мы ее вместе ждали, но мама, судя по всему, решила, что и без нее будет весело». Ева вспомнила его растерянное лицо, потухшие глаза. Рядом топтался дядя Дима Сопигора – папин закадычный друг и потомственный казак. Здоровенный человечисе с картины про турецкого султана. У дяди Димы было богатырское телосложение и огромные атаманские усы.

– Пора, Михалыч! – Дядя Дима положил отцу руку на пле-

чо, – Не придет Танюха. Да не расстраивайся, мало ли что, может, потом подтянется. Вон, товарищи уже волнуются.

Отец посмотрел на часы в последний раз, посадил дочь на плечи, и они ускорились, чтобы догнать веселую процессию из творцов разных направлений, поющих что-то про сюртук и музыканта, незнакомых дам в кримпленых, официальных и уже не очень трезвых лиц и случайных прохожих. К ним присоединялись все, кто попадался под руку: цыгане, медведи с баянами, девицы, мужики с лавочек.

Фуршет не вспоминался, как ни старалась. Но можно было не сомневаться, отец праздновал с полной самоотдачей. Тосты и оды прекрасным дамам, декламация стихов всех поэтов вперемешку, баян, пение и море вина!

Вот ночь после фуршета было не забыть. Папа, окруженный облаком любящих, нелюбящих и сочувствующих лиц и конкурентов по цеху, перецеловав по очереди десяток милых дам, покинул пределы ресторана и качнулся в сторону дома. Ева семенила за отцом, крепко держа его за руку. Дядя Дима верным стражем шагал чуть позади. С ним Еве было спокойнее. Стояла глубокая ночь, дом все не показывался. Вскоре дядя Дима нес друга уже практически на себе и опустил его на лавку у подъезда, чтобы покурить. Вдруг отец встрепенулся и запел с сигаретой во рту какое-то сложное иностранное произведение. Сначала негромко, потом все громче и патетичнее.

– Ши кейм ту ми он моорнинг, ван лонли сандей мор-

нинг, – затянул Михалыч.

– Юрайхип, вещь! – обрадовался дядя Дима, – Зер ай воз он иджулай морнин лукин фор лав! – задушевно подхватил он неожиданно другую песню.

– Заткнитесь, товарищи, завтра на работу с утра! – проснулся третий этаж.

– Энд дистракшин лей ираунд ми, фром ифайт ай кудынт вин! – завывал Михалыч.

– Три часа ночи, сдурели совсем? – поддержал пятый.

– Ай би лукин фор ю, понимаешь, ла-ла-ла-лалала-лалалааа! – напевал дядя Дима и аккуратно стал вливать в британские холодные туманы малороссийское тепло. – Ничь яка мисячна, зоряна ясная! – Изрек атаман, не меняя мелодии. Папа тем временем приступил ко второму куплету.

– Да бесполезно, Вась, они же пьяные в хлам. Надо милицию вызывать.

– А я их щас! – третий этаж замолк, и вдруг прямо около дяди Димы приземлилась струя воды.

– Видно, хоч голки збирааай! – сосредоточенно двигался дальше по содержанию Сопигора. Михалыч тем временем дотягивал второй куплет и стал позевывать между словами. Потом утих. Дядя Дима подошел к романтическому месту произведения.

– Вийди, коханаая, працею зморена, хоч на хвилиночку в гааааай!

– Вот гады, ладно, я предупреждал. Сейчас к вам такая

коханая выйдет!

Ева тихо дремала у папы на коленях, когда около них оставился милицейский газик.

Ева расхохоталась. Мама зашла в комнату. За ней шлейфом вплыл ненавистный запах щей с вареным луком.

– Вас обоих под утро дядя Дима принес. Ты была вся перемазанная и лохматая. Отец вообще признаков жизни не подавал. Ненавижу!

«А я была счастлива», – подумала Ева. Удивительно, сто лет уже прошло, а мама так и вскипала от любого воспоминания о бывшем муже. Лелеяла ненависть и жалость к себе, обвиняя отца во всех своих несчастьях. А Еве его не хватало. Когда папа ушел, она искала его в каждом дяденьке в хужожке, в учителях в школе, а когда выросла – в каждом молодом человеке, стоило ему задержать на ней взгляд. С отцом из дома исчезли не только соревнования по рисованию, этюдник, пахучие тюбики масляной краски, диафильмовые вечера, кукольные театры, разговоры о художниках. С ним ушло чувство защищенности. Не случилось взросление под чутким отцовским взором, загрузтил растущий в ней даровитый творец. Ева ощутила себя черепашкой, у которой отняли панцирь.

Ева поставила фотографию на подоконник. «Папка, я совсем не хотела о тебе думать. Но почему-то в последнее время часто тебя вспоминаю. Ты знаешь, Ромки больше нет...

Какая же я дура! И ты далеко. И не звонишь, и не пишешь. А ведь ты нашел бы сейчас самые лучшие слова, махнул бы моей рукой на всех сегаловых в мире, обнял, и все стало бы не важно. Если б ты от нас не уехал...»

«Евка, да елки-палки! Брось ты переживать-то из-за этого засранца, он мизинца твоего не стоит. Он мне даже по твоему описанию не понравился. Я же просил, чтоб не ходила за него замуж?» — сказал бы ты.

«Папка, прости, что не послушала. Я не знаю, что это было. Он очень много говорил. О любви, о судьбе, о совпадениях, снова о любви. Еще о том, что я не умею любить, и бог мне послал его в учителя. Папка, знай, как только кто-то бога упоминает, не жди ничего хорошего. Какого черта он мне вообще кого-то присылает?! Я же не просила! В общем, ты знаешь, Сегалов оказался каким-то змееустом. Он говорит, а ты лишаешься воли, и уже на все согласен, только бы замолчал и отпустил».

«Ну и хрен с ним, доча, у тебя новая жизнь. Дыши, отдыхай. Ничего он тебе не сделает. Он ведь слабак, просто псих безобидный, — сказал бы ты, — Я вот возьму его за уши, да и оторву их легонечко».

«Папка, я и сама не хочу бояться, — сказала бы я. — Но он впился, хуже клеща. Он как зверь, всегда чует слабые места. Туда и присасывается. Всю меня выпил. Все моих друзей разогнал. Мама как-то приехала в гости. Он такого ей наговорил... уехала с больным сердцем. Ты бы знал, какие

он скандалы закатывал! И вроде как бы не бил – так, придушит немного, толкнет, по щеке врежет. Я слова ему сказать не могу, как будто язык отнимается. И мозг. Девять лет улыбалась и терпела – куда же я с детьми. А если переставала терпеть, он зверел и начинал говорить. А когда он говорит,дохнет все живое в радиусе ста километров. И все о любви, и о том, что я всегда недостаточно хороша, что должна все время расти. А не слушать нельзя, он за волосы хватает и в ванную тащит под душ. Бедные мои дети... Я даже подстриглась специально. А потом совсем с ума сошел. Хотя нет, он, оказывается, задолго до меня с ума сошел, даже лечился. Не знаю, как бы жили, если б не таблетки. Эх. Был бы ты рядом, он бы пальцем не тронул. Он ведь трус. Но я как будто не его боюсь, а того, кто за ним стоит. Или внутри меня затаился?..»

«Что же ты молчала? Бедная моя девочка», – сказал бы ты...

«Папка... Мне никто никогда не говорил ”бедная моя девочка”, кроме тебя»...

Зазвонил телефон. Ева вздрогнула. Ее нашел Андрей, друг Сегалова, когда-то зачем-то их познакомивший.

– Привет. Сегалов съел упаковку таблеток и чуть не умер. Мы дверь вскрыли, а он лежит... Сейчас в реанимации. Я подумал, тебе лучше знать.

Паника обволакивала Еву и перекрывала дыхание. Вдох

был, выдоха не было. Просто не было воздуха. И сил. И жизни. Вдох. Вдох. Вдох...

Глава 6

Отец

Весь мир в одном флаконе

Серафим Михайлович Колев получил от матери не только имя, но и масштабность мышления. Он любил строить планы. Но разгульная юность подающего надежды творца не превратилась в мудрую зрелость, а только припорошилась легкой усталостью от надежд. Союз художников намекал на возможность, но не спешил принять его в свои объятия, а Колеву было важно получить удостоверение, мастерскую и оставить хотя бы немного узнаваемый след в истории. Но как-то не складывалось. Конечно, парочка праздничных октябрьских демонстраций маслом на холсте или портретик передовика-сталевара ускорили бы процесс, но Колев откладывал это на случай, если совсем ничего не поможет. Он устраивал небольшие персональные выставки при любой возможности, предлагал свои картины на междусобойчики, но знаменитым не просыпался. И это потихоньку лишало его энтузиазма. Друзья-художники уговаривали не тянуться к звездам, а тихо себе созерцать да фиксировать природу. Но Колеву страшно хотелось продемонстрировать всем Кузьки-

ну мать.

Писал Колев божественно. Такую красоту умудрялся увидеть в пнях, облаках, сгнивших стволах, папоротниках, ромашках и колокольчиках! Такие мог отобразить тонкости освещения морозным утром и в жаркий летний полдень! Так мастерски хватал за хвост ускользящий луч солнца в лесных сумерках, что казалось, в краски он подмешивает какую-то хитрость: то ли порошки металлические, то ли пигменты люминесцентные. Его пионы и сирени источали нежнейшие ароматы, смущая бабочек и пчел. С работой вот только не складывалось: ни в художниках-оформителях, ни в дворниках долго не задерживался. К счастью, несмотря на бесшабашность, грозящую запоями, отца позвали преподавать в художественную студию флеровского Дома Творчества. Дети рисовали в помещении, сквозь стеклянные потолки которого отбрасывали тени плывущие облака, и качали шапками высокие сосны. Детей он любил, и они награждали его потоками обожания, в которых он так нуждался. На выставки его студии, где вперемешку с детскими картинками висели и его горящие маки, и снежные сугробы на деревенских домишках, приезжали любоваться даже из Москвы и соседних городов и весей.

Колев был бы совершенно счастлив, если б не приходилось ходить домой. Любящий Михалыча директор Дома творчества и закадычный приятель Гога Лисицкий однажды позвал его после занятий к себе.

– Серафим, ну как, горгулья твоя не подобрела?

– Да нет, Гога, придерживается все той же политики неприсоединения.

– Ясно. Жалко мне тебя, а еще больше Евку. Как она с вами, дураками, уживается. Танюха ее-то хотя бы не клюет?

Серафим Михайлович глубоко вздохнул и стал нашаривать по карманам пачку сигарет.

– Я подумал: рядом с твоей студией есть помещение. Для занятий маловато, так завхоз его под склад приспособил. Если разгрестишь – забирай. Можешь мастерскую там организовать. Будет у тебя своя нейтральная территория. Не благодари.

Михалыч чуть не плакал. Он и сам пытался организовать себе тихую гавань – давно купил участок в соседней деревне. Но строительство домика стало для него отличным поводом собрать друзей, загрузить этюдник запотевшим портвейном и на неделю «уйти на пленэрное строительство»: и бревна построгать, и десяток этюдиком написать в хлесткой манере. Лет через пять, мама, подвязывая гладиолусы около замшелого сиротливого фундамента, глубоко вздохнула, махнула рукой и пошла к деревенским искать покупателя.

Ева страшно любила папу. Он был теплый, большой, уса-тый и красивый. Прошлым летом бабушка Нюра научила Еву играть в «дурака», так бубновый валет был вылитый папа! И все же отец был для нее немножко «человек с па-

радного портрета» – художник и романтик, человек-фестиваль, но сквозь стекло или небольшое заграждение. Отец был весь в своих мыслях, картинах, планах, этюдах, пленэрных поездках, эскизах будущих картин, натурщицах. Одной ногой в Союзе Художников и всеми мечтами в частных коллекциях. Лишь редкие вечера доставались Еве. И грандиознее был только Нюрин сад. Отец умел делать все, что нужно маленьким девочкам. Во-первых, соревнования по рисованию. Отец выбирал тему, и они с Евой рисовали, пряча друг от друга альбомы. Побеждала всегда Ева. Несколько раз Рома заходил и присоединялся. Папа всегда брал его к себе в команду. И побеждали они! Это было несправедливо, но его было не уговорить. «Ты у нас известный художник, а Ромашка красный от зеленого не отличает». Во-вторых, отец обзавелся проектором и парой десятков диафильмов. У Евы появился свой собственный кинотеатр! Папа уморительно читал «Федорино горе». И про Бибигона. Даже сделал себе треуголку из газеты и саблю из картона, чтобы как в театре рассказывать про этого маленького человечка. А мама, если бралась показывать диафильмы, начинала комментировать тексты прямо по ходу действия: «Слабенькая рифма, мог бы и подумать. А это что? Что такое «впередОнки»? Злую башку? Добрый Бибигон? Ну, знаете, Корней Иванович!» Тут главное было маму не перебивать, иначе можно было попасть на лекцию по литературе. В-третьих, папа шил одежду Евиным куклам. А еще показывал

театр теней, устраивал походы в ближайший лес, брал Еву на речные прогулки по Москве-реке и очень вкусно готовил. Он называл свою стряпню «всякой ерундой». «Душа моя, хочешь, всякой ерунды приготовим? Оладьев каких-нибудь жирненьких... чтобы по усам текло, а в рот не попадало?» Ева кричала: «Папка, давай! Но у тебя есть усы, а у меня нету!» Отец шел в комнату за гуашью. «Ага, сейчас замастрячим!»

Правда, всякая ерунда случалась у них дома все реже. Мать считала отца бездарем, лентяем и неудачником. Он раздражал ее даже своим присутствием, так что на теплую домашнюю атмосферу рассчитывать не приходилось. Однажды он принес домой недавно законченные «Деревья зимой». В морозный день из спящих бело-голубых сугробов торчали веером разноцветные изогнутые стволы ветел с огненными ветками и отбрасывали темно-синие тени на снегу. Ева закричала от восторга и захлопала в ладоши! Мама появилась в прихожей, процедила: «Очередной шедевр? Кого ты этим хочешь удивить?» и скрылась у себя. У каждого в семье была отдельная комната. В мамину заходить без стука было нельзя никому. Еве досталась маленькая комнатка в глубине квартиры. Отцу пришлось обосноваться в гостиной с минимумом мебели и огромным гостевым столом. На ее прозрачной стеклянной двери он нарисовал имитирующий витраж цветочный орнамент, и в комнате стало уютней.

Отец, давно потерявший надежду вызвать мамино распо-

ложение, из всех вариантов мирного сосуществования выбрал легкое подшофе. Но отношения с алкоголем уже выходили из-под контроля, и вместо «всякой ерунды» дома у них теперь гремели скандалы. В основном, громыхала мать. Отец не блистал ни красноречием, ни способностью крепко держаться на ногах. Его подшофе стремительно росло в степенях, находясь в прямой зависимости от маминого раздражения. И никто из родителей не мог установить мир.

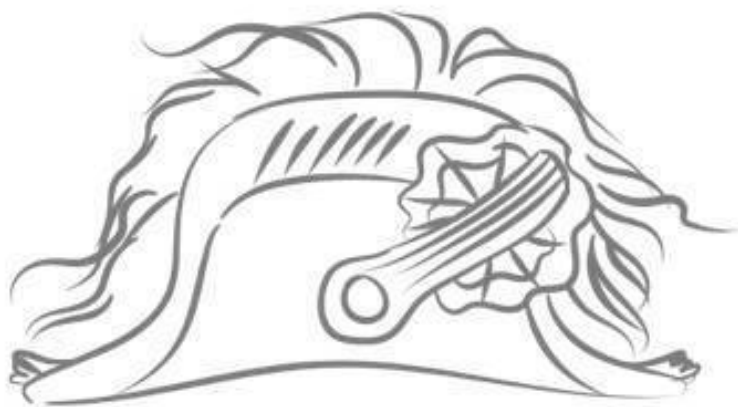
Итак, отец удостоился собственной мастерской, а Ева – пространства, где она ничего маме не должна и ни в чем перед ней не виновата. А через годик Еву ждала школа, так что здесь и уроки можно делать. На разгребание завалов ушло всего два дня – помогали папины друзья, и Ева с Ромой с удовольствием наводили красоту. В течение следующей недели отец сколотил несколько полок и стеллажей для красок, кистей, карандашей и рисунков, растворителей и тюбиков, подставки для холстов. Притащил откуда-то диванчик, старый венский стул и шкаф для разного барахла. На полках вскоре угнездились бисерным почерком подписанные баночки с японской тушью, коробочки с ленинградской акварелью, самодельные картонные ведерки для кистей разных видов и размеров. Свой мольберт он принес из дома, а для Евы сколотил совсем маленький, чтобы могла творить и сидя, и стоя. Отец очень внимательно изучал каждый ее рисунок. Иногда просто хвалил, иногда пытался разбирать и учить. Только

Ева и слышать не хотела никакой критики. Она в основном рисовала людей, достаточно правдоподобно, и считала, что все уже умеет и без папы.

– Ты у меня талантище! Скоро сирень зацветет, будем здесь букеты с тобой писать.

– Папка, не учи меня цветы рисовать, мне люди больше нравятся. Их проще, а цветы труднее. У меня не получится как у тебя. Вон я Ромку нарисовала, он как живой получился. Если бы нос еще пририсовать – был бы прям настоящий. Но носы мне не нравятся. Без них лучше.

Так они и жили. Ева постепенно привыкла, что дом – это место, где ты ешь, спишь и отбываешь наказания. С отцом было как на вулкане, но от него никогда не веяло опасностью. Ее дни проходили теперь в ожидании, когда отец протрезвеет и сможет с ней поиграть или поведет ее в поход. Ожидания сбывались все реже. А когда начались запои, Ева, дети из студии и дядя Гога Лисицкий ждали его возвращения в сознание. Они с Ромой отгоняли друзей-собутыльников, сидели рядом, заваривали мятный чай. И только мама была невозмутима.

Глава 7

Мать

Что наша жизнь? Борьба!

Евина мать одиноким парусным фрегатом лавировала по семейной гавани и палила изо всех пушек. Удивительно, что в одном из московских институтов она преподавала русский и литературу, а не фехтование и самбо. Высокая, на голову выше отца, со спиной невероятной прямоты, противоречащей существованию лордозов и кифозов, всегда готовая броситься защищать Бродского и обличать Брежнева, спорить с тихо покуривающим в сторонке Горьким и требовать подарить уже народу Булгакова. Любая передача по телевизору о советских писателях приводила Татьяну Всеволодовну в полную боевую готовность. Она размахивала руками, дымила беломором, ругалась и произносила фамилии, которые были известны только ей, а затем уединялась в своей комнате и погружалась в целительное чтение. Отец, кстати, никогда не курил дома, а мать даже не замечала, что курит.

Татьяна выросла в маленьком городке на Волге. После войны ее ровесники получали удовольствие от одной только жизни: носились по улицам, играли в казаков-разбойников,

торчали на пляже. Татьяна вечно сидела на крыльце или в доме и читала. И еще – стоя в очередях, по дороге в школу, намывая посуду, в кровати перед сном. Если уже сделала уроки. Анна Семеновна не знала, что с дочерью не так, но не оставляла надежду ее растормошить. Если б отец не погиб на фронте, все было бы легче.

– Танюш, погуляла бы. Жарко сегодня, сходи на Волгу. Все ребята уже там.

– Не хочу.

– И Вася тоже там. Он сегодня два раза заходил, спрашивал про тебя. В Саратов уезжает, в техникум поступать.

– Мам, ты мне мешаешь.

– Да что ты там хочешь найти, в своих книгах?!

– Мама, я правду ищу! Мне правда важна, а не: «ой, пожалуйста, будьте любезны, не могли бы вы...». Все – ложь и притворство. И скука. Я хочу понять, как на самом деле все обстоит, и для чего. Но ни в одной книге не нашла. А если еще раз про Василия напомнишь, я с тобой разговаривать перестану.

Учиться Татьяна уехала в Москву, в педагогический. В столице осталась преподавать и вечно читать. В библиотеке и нашел ее отец. Может быть, он ей в самом начале показался похожим на Маршака, или Катаева, или Алексея Толстого. А может, стихи ей писал красивые. Но скорее всего она за чтением вообще не заметила, что он стал проводить с нею время, а потом и вовсе остался рядом. Когда предложил по-

жениться, молчание расценил как согласие. А потом она дочитала книгу, но было уже поздно. И мама впала в неистовство. Евино появление на свет стало результатом временного примирения двух воинствующих сторон или вовсе недоумения. Сложно сказать, какой представляли семейную жизнь два человека, не способные договориться вообще ни о чем, и не испытывающие ни малейшего желания слышать друг друга.

Странно, что Еву не назвали Энио. Война, достойная богини яростных битв, сопровождала все ее детство. Имя она получила в честь любимого отцовского фильма пятидесятых «Все о Еве»: он желал дочери счастливой судьбы любимой и верной жены. Однако война постепенно стала стилем и Евиной жизни, а семейное счастье ее тетки вообще-то не было однозначным. Так что...

Если Серафим Михайлович жил в своих картинах, Татьяна Всеволодовна обитала в стране букв и твердых переплетов. Она продолжала искать правду, но не находила. И так увлеклась, что давно не замечала плывущую где-то позади на надувной лодочке дочь и вставшего на мель мужа. В поселке у нее была единственная подруга, которая откуда-то выуживала напечатанный на машинке самиздат. А когда позже на жадную до знаний Татьяну хлынул поток ранее запрещенной литературы, она обложила свою кровать по периметру и уже почти не выныривала из комнаты. Досадно, что приходилось

прерываться на приготовление пищи и уборку. Но куда денешь назойливое чувство долга.

Мама готовила, куря и читая. Ева постепенно привыкла, что суп сладкий, а блины соленые. Разве что к луку, огромными кусками нарезанному во все сковородки и кастрюли, привыкнуть было невозможно. Но, к счастью, вполне сносно кормили в детском саду.

Путь из детского сада домой пролегал мимо леса. Ева с пяти лет ходила домой одна, с ключом на шее. Папа больше не мог ее забирать – или преподавал, или «был в открытом космосе», как мама говорила. Мама совсем поздно возвращалась из Москвы с занятий. Еву не пугал лес, даже осенний и темный. Ее больше страшили непредсказуемые шумные дети в группе и воспитатели. Так что, когда нянечка Наталья Петровна отказалась каждый день торчать на работе в ожидании Евиных родителей, девочка обрадовалась больше всех. Ей разрешили ходить одной.

Мама всегда возвращалась уставшая и недовольная. Ева заранее начинала нервничать: утюг выключила? посуду помыла? что еще? книги поставила на полку как было? уроки все сделала? сапоги стоят по линейке? чистые? Мама разматывала шарф, нашаривала ногами тапки, принюхивалась к запахам из кухни.

– Ева, ты поела?

– Привет, мама, да, поела. Днем и вечером, недавно.

– Насколько недавно?

– Не помню. На часах маленькая стрелка была внизу слева, а другая на кухню показывала.

– Ева! Я же просила, во-первых, выучить часы, во-вторых, есть около шести. Черт. Когда маленькая стрелка смотрит прямо в пол! Ты желудок испортишь, потом по врачам с тобой ходить придется.

– Но я еще не хотела есть. Ты же говорила, что как захочу есть, так котлеты и разогревать.

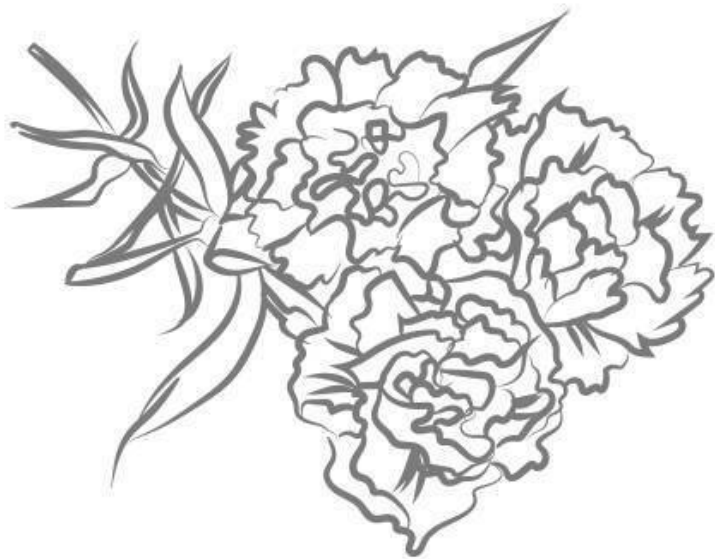
– Ева! Я не могла этого сказать. Заруби себе на носу: взрослые сначала думают, потом говорят. Я, во всяком случае, никогда ничего не говорю просто так! Я бы не стала говорить что-то, просто чтобы поговорить.

– Но мама...

– Не надо со мной спорить!

Ева не все понимала из маминых выступлений. Но проще было соглашаться. Никогда нельзя было угадать, что маму сегодня разозлит. Она могла, например, не на шутку выйти из себя просто потому, что Ева задержалась на полчаса у одноклассницы на дне рождения. И не потому, что их ждал поезд. А просто из принципа. Пока все дети веселились и ели пирожные, Ева нервно смотрела на часы, чтобы не опоздать к обозначенному мамой времени: большая стрелочка вверху, а маленькая ушла снизу чуть влево. Дома ждала мама со всем своим гневом и красноречием. Ругалась она самозабвенно, долго и непонятными словами. А потом замолкала на недельку или две. Совсем. Как будто Ева – это стул. И не то

чтобы Еве хотелось с ней поговорить. Они и так ни о чем не разговаривали. Просто мама так убедительно умела молчать и делать вид, что Евы нет, что она и сама начинала сомневаться, что существует.

Глава 8

Первое чувство вины Несовпадения, противоречия и край пропасти

Колин, привет, дорогой!

Бывает ли у тебя так, что ты вроде бы ничего такого и не сделал, а чувство вины тут как тут? И если его вовремя не прогнать, оно уютненько устроится у тебя в голове. И шагать тебе с ним, и шагать, пока не устанешь. Тот еще попутчик, бесполезный и назойливый.

Да нет, ты похож на здравомыслящего джентльмена. И в расписании у тебя нет времени на всякие глупости: то съемки, то интервью, то красные дорожки. Хотя, знаешь, и у меня тоже со временем швах: то дети, то дети, то работа. Но для старого доброго чувства вины всегда найду минуточку, хоть тресни! Надоело, но я никак не захлопну форточку, в которую оно пролезает.

Вот недавно еду в метро. Двери закрываются, но в них в последнюю секунду протискивается милостивая девушка с коляской-люлькой! Не с чемоданом, не с рюкзаком, заметь.

За ней влетает юноша и садится. Девушка с улыбкой буфетчицы разворачивает к нему коляску.

– Пирожки с капустой и творогом, домашние!

– Давайте с капустой, – делает выбор молодой человек и получает пирожок из недр коляски в обмен на деньги.

«Понятно, зачем коляска» – злорадствую я.

Девушка движется по вагону. Удивляюсь только я, люди просто покупают пирожки. И знаешь, почему? Она говорит легко и без надрыва, как будто так всегда и делают в метро. Коляска доплывает до меня и останавливается. Знаешь, Колин, мне становится адски стыдно: в ней спит девочка лет двух, поджав ноги у тазика с пирожками. А девушка смотрит на меня и вдруг извиняется:

– Просто деньги нужны. Берите пирожки, очень вкусные, с творогом, с капустой. Я могу еще уборку сделать, плитку кладу, все, что хотите.

Я выхожу из вагона, совершенно обалдевшая от того, как она запросто излагает свою проблему, как данность. А я виновато иду домой. Сама ведь буквально полгода назад была в такой же ситуации, а уже на себе подобных поглядываю немножечко свысока. Я ведь так не смогла бы.

Знаешь, я месяц еще мучилась с чувством вины: что у меня есть работа, а у нее нет. Что Рита спит дома, а не в коляске в метро. Что меня спасли мои друзья, а ее, видимо, нет. Хотя, ерунда на постном масле все эти мои умо-заклучения.

Масло закончилось! И еще молоко, фрукты... Так, понеслась... Спи уже, красавица, говоришь мне ты. Ну, если ты настаиваешь, пойду посплю без задних ног.

До завтра! И наше тебе с кисточкой, дорогой!

На Еву неумолимо надвигалась школа, пугала и расстраивала своими будущими проблемами. Ромка заканчивал второй класс и убеждал, что ничего страшного там нет. Но пугалась она вовсе не самой школы, а обсуждений с мамой уроков, оценок и того, что написано в учебнике. А дома и так уже было совсем не сладко. Папа появлялся редко, и всегда очень пьяным. Мама начинала ругаться с порога и не оставляла его, пока он не свалится спать. Это было очень громко и дымно. Мама выкуривала за день пачек сто беломора. Ева закрывалась у себя в комнате, затыкала уши ватой и пыталась читать. Иногда до Евы долетали мамины всхлипывания – мама, оказывается, умела плакать. И вроде бы всегда папу было жалко, а сейчас Ева потерялась: обоих родителей было жаль до слез, но как помочь она не знала.

Как-то вечером Ева прибежала домой пораньше, чтобы быстро умыться и лечь спать, на случай боевых действий. В дверь позвонили, потом еще. Мама не открывала, видимо, решила, что папе не помешает иногда тренироваться попадать ключом в замочную скважину. Ева не выдержала, по-

шла открывать.

На пороге стоял отец, в любимом подшофе и со слегка помятым букетом гвоздик и тортом.

– Евушкааа, – увидел Еву и расплылся в улыбке.

– Папка, привет! – Ева потащила его за руку в квартиру.

От него пахло всеми бедами мира. Он сделал шаг внутрь, но вдруг пошатнулся и схватился рукой за крючок вешалки. Та, недолго думая, покосилась, и несколько курток и парочка зонтов сверзлись на пол. С полочки для шапок рухнула коробка с красками, которую папа там поставил несколько месяцев назад на время, чтобы не забыть отнести в мастерскую. Грохот был величественный! Из своей кельи вышла мама.

– Ну что? Богема отдыхает? – увидела копошащуюся в куртках и тюбиках с краской Еву и невозмутимо вытянувшегося с букетом и тортом отца, – Ты же ребенка убьешь! Живо к себе в комнату спать!

– Танюш, я... У меня картины на выставку взяли, в Ленинград. Я хотел, чтобы мы отметили. То есть... Танюш. Мы давно не разговаривали, и я... Давай не будем ругаться больше, а? Я же вас так люблю. И тебя, и Евушку. Мне сегодня товарищ из Ленинграда так много хорошего сказала про мои картины, про меня. А ты меня только ругаешь.

Мать подошла и, не обращая внимания на протянутую руку с гвоздиками, стала вешать куртки на перекошенную вешалку со сломанным креплением. Еве было очень неловко и обидно за отца. Ничего хорошего ситуация не предвеща-

ла, и лучше было скрыться у себя в комнате. Уходя, Ева краем глаза увидела, как отец попытался обнять маму, но та оттолкнула его. Сквозь закрытую дверь до нее долетали традиционные слова ссоры: отец умолял мать быть человеком, мать доносила до отца, что он этого давно не заслуживает. Потом хлопнула дверь маминой комнаты, стало тихо, и тут отец закричал:

– Что же ты за ледышка, а? Матрос Железняк хренов! Ни души, ни сердца. Только книги твои дурацкие тебя волнуют. А люди – по барабану! Любить надо ближнего! А, да ну тебя к черту... Всю душу ты мне вымотала. Горгуля.

Чиркнула спичка, потянуло табачным дымом. Пробка покинула бутылку. Отец что-то еще бубнил в недрах квартиры. Ева сидела у себя на кровати с подушкой на голове. Внезапно дверь в комнату открылась и продемонстрировала шатающегося отца, уже без цветов и торта, но с бутылкой в руке. Он зашел в комнату и присел на краешек стола.

– Папка, ты чего? Иди лучше поспи, а?

– Доча, ну вот скажи: я человек?

– Папочка, ты самый лучший человек на свете.

Отец пристально посмотрел на Еву.

– А почему тогда твоя мамка меня не любит? Бродского любит. Евтушенко любит. Стругацких любит. Достоевского обожает. А меня нет. Я что, хуже Достоевского? Ведь я же живой. А он – нет. Я ей такие пионы пишу! Я, может быть, знаменитее Достоевского буду!

– Папочка, я не знаю про Достоевского. Почему он умер?

– Потому что слишком много думал. Вон, как мать твоя: только и размышляет о смысле жизни! Да в любви он, дура!!!

Дверь с силой распахнулась и грохнула об стену. Мама влетела на боевом коне с палящим в воздух пистолетом и остановилась посреди комнаты.

– Тебе мало? Уходи к себе! Оставь нас в покое, ничтожество! От тебя же псиной несет! Пошел вон!

И вдруг отец очнулся. Выпрямился, держась за спинку Евиной кровати.

– Ты удивительная. Похожа на человека, но не человек. Злая... или это зависть? З-завидуешь, да?!

– Завидую? Ты с ума сошел?

– Да-да... Вот я не ищу истину. Просто живу и все!

– Думаешь, я завидую алкоголику?

– Не-е-ет, завидуешь творцу! Ты же ничего не умеешь. Критик хренов. Попробуй хоть что-то сделать сама! Хотя бы ребенку перед сном почитать.

Мать молчала. Ева сидела на кровати и уже с головой ушла под одеяло.

– Тебе же никто не нужен, ни муж, ни дочь. Зачем ты здесь? Убирайся, мы и без тебя справимся! Правда, доча?

Отец замер на мгновение. А потом как будто плюнул матери в лицо.

– Эгоистка!

Мать сорвалась. Подскочила к отцу и ударила по щеке с

такой силой, что он покачнулся и рухнул на пол, задев головой угол Евиной кровати. И больше не двигался.

– Папка! – Ева бросилась к отцу, попыталась поднять за руку. Мать что-то еще кричала, но дочь уже не разбирала слов. Отец не вставал, лежал на полу в нелепой позе и улыбался. – Вставай! Папочка, родненький, встань, пожалуйста! – И вдруг пронзило, – Папка, ты что ли умер?! Мама, он умер! Что ты наделала?!

Оторопевшая Ева поднялась и повернулась к матери. Та наклонилась, нависла над дочерью с ледяным лицом. Стало холодно. Кажется, корочками льда медленно покрывались стены. Мать произносила каждое слово, будто что-то тяжелое бросала на пол.

– Оставь его здесь! С ним все будет в порядке. Проспит-ся и уйдет к себе в комнату. Одевайся! Пойдем подышим! – мать взяла Еву за руку и потащила к двери. Ева медленно отвернулась, посмотрела за спину. Она не могла бросить папу одного. А вдруг ему нужна помощь?

– Я не пойду, мамочка, никуда не пойду! Я с папой останусь, ему плохо. Может быть, скорую помощь вызову. Или голову забинтую.

Мать крепко держала Еву за руку.

– Не смей со мной спорить!!! Быстро одеваешься и выходишь в прихожую. Отец поспит здесь, ему ничего не нужно. Утром встанет и пойдет на работу. А мы с тобой идем проветриться. Спать будешь у меня.

По спине морозило. Щеки горели. Внутри у Евы прогрел взрыв, и осколки сознания хаотично летали в воздухе. Мыслей не было, только страх. Девочка смотрела на лежащего без движения отца и искала силу, которая обязательно должна была помочь. Но не находила. Подняла голову и посмотрела в окно на темные стальные тучи. «Бабушка Нюра говорила, что ты все видишь. Бог, где же ты? Все на своем облаке сидишь? Ты мне так нужен, а тебе все равно!» Она потом много раз вспоминала этот момент, когда выбор все еще, кажется, был. Но Ева сдалась. Оделась и вышла за матерью из квартиры.

Улица обдала вечерним мартовским холодом. Шел ледяной дождь. Мама осталась под козырьком подъезда, стояла рядом, всхлипывая, курила. Ева твердила шепотом: «Я – предатель!» В животе было пусто, будто внутри вынесли всю мебель. На светящейся через дорогу вывеске магазина «Продукты» горели только две последние буквы.

Глава 9

Юджин Райский садовник

Юджин включил солнце поярче. Манипуляции с небесными светилами у него в последнее время получались с трудом. То ли усталость давала о себе знать, то ли сомнения в том, что не может вызывать сомнений. Однако до заката нужно было еще многое успеть: пересадить на отдельную клумбу сорняки, чтобы не душили ландыши и флоксы, переловить и поместить в приготовленный домик саранчу, подстричь самшитовые кусты – сегодня почему-то хотелось придать им форму шара. А самое главное – поменять цвет адонисов вокруг домика. Их красный был слишком не подходящим для общей гаммы, но упрямыцы никак не хотели сдаваться.

– Вот скажи мне на милость, сын Мирры, дитя раздора, сколько раз еще я должен бегать вокруг тебя с кисточкой и опылять? Мне нужен фиолетовый цвет, как у дельфиниумов. Трудно тебе, что ли, самому? Пересажу отсюда подальше, будешь знать. Тебя там козы или носороги слопают. Лучше сдавайся добровольно.

Пунцовый адонис себе очень нравился, но перспектива быть слопанным козами его расстраивала. Он видел, как несколько дней назад соседняя клумба с геликониями, которые предпочитают желто-красную гамму, стала голубой – умел этот Садовник уговаривать.

Когда свежестриженный самшит выстроился вдоль дорожки длинной зеленой гусеницей, саранча весело шуршала лапками в своем новом особняке, сорняки обрели в единоличную собственность участок земли, а полянка адонисов окрасилась в желаемый цвет, Юджин выпрямился, удовлетворенно окинул взором Сад и отпустил к горизонту солнце.

Ему нравились порядок и единообразие. На рабочем столе на шуршащем пергаменте лежали ровными рядами одинаковые луковицы гладиолусов. На земле, аккуратно перевязанные ленточками, ждали своего часа саженцы чайных роз. Материализовать растения по собственному желанию было просто. Но Юджин редко этим пользовался. Только когда уставал. Стоило Садовнику закрыть глаза, сконцентрироваться в центре лба и явственно представить себе то, что нужно, оно появлялось. С небольшими погрешностями, разумеется. Зависело от настроения.

В последнее время настроение у Юджина было меланхолическим, и весь сад, от кустов до мелких травянистых растений, синел, голубел и фиолетовел, рождая светлую грусть с нотками надежды. Хотя печалиться ему было некогда. Сад

не требовал огромного ухода, но Юджин, ангельская душа, получивший здесь место Садовника, всю свою жизнь готов был положить на поддержание в нем красоты и порядка. Ведь это было любимое место отдыха его Отца, Создателя Сада. Да и как он мог сидеть сложа руки, лишь материализуя время от времени новые виды, когда Отец творил без передышки. Получив в единоличное командование буйно цветущую местность, Юджин засучил рукава и развил бурную деятельность, чередуя ради удовольствия простую материализацию с трудоемкой селекцией. Он был уверен, что во всех прошлых воплощениях растил сады. Под ногтями у него всегда была земля. В волосы то и дело вплетались занесенные ветром вьюны и крошечные лианы, из карманов фартука время от времени вылетали бабочки, а Юджин, ворча, что «никогда не убирают за собой», выбрасывал оставшиеся от постояльцев куколки.

Джини (так его называл Создатель, когда был особенно им доволен) жил в самом сердце Сада. Оказавшись на этой планете, он в первые же дни перетащил из поселения в свой рабочий домик все самое нужное – секатор для стрижки ногтей, волос и растений, пару фартуков, соломенную шляпу, старый венский стул и топчан для сна. Хотя иногда он засыпал там же, где на закате копошился с лопаткой. Около домика за пару дней соорудил большой навес, а под ним – огромный стол. Здесь, на своем рабочем месте, он и остался жить, не желая поддерживать отношений ни с кем из дерев-

ни, даже с Учителями. Стол, стул и лежанка вечно были завалены лейками, луковицами и бидонами с компостом. Юджин был счастлив.

Обитатели планеты, прибывающие время от времени в окрестные селения, в основном старались обустроить себе жизнь, похожую на ту, что сохранилась в их обрывочных земных воспоминаниях. Внешность иногда меняли даже в течение дня, но, как правило, оставляли такой, как в последнем воплощении. Женщины охотнее пользовались своими способностями реализовывать мечты и бесконечно стремились к идеалу. Намерения здесь исполнялись мгновенно. Поэтому атмосфера на планете не способствовала возникновению жадности до материальных благ. Когда разлеталась весть, что Создатель несет сюда новых поселенцев, все бежали на центральную площадь и искали глазами своих близких, придавали им знакомые черты, брали в семьи. Древние души жили здесь в любви, учились искусству медитации под руководством Учителей и отдыхали от страданий, которыми щедро наполняла их жизни Земля.

Юджин совсем не хотел семью. И вместо медитаций с большим удовольствием перекапывал грядки. Внешностью своей не интересовался, у него даже не было зеркала. Он вообще ничего не хотел, только находиться рядом с Отцом, слушать его рассказы и служить ему. Создатель почти не отдыхал: прервать процесс творения было невозможно. В сотворенном было жизненно необходимо поддерживать и на-

правлять потоки энергии. Крайне редко Отец мог, не отвлекаясь, прилечь на шелковистой поляне у живительного ручья. И если уж появлялся на дорожках любимого Сада, Юджин тут же создавал для него заросли цветущего жасмина, кусты пионов или пахнущие медом алиссумы. Куда бы Создатель ни повернул голову, Садовник успевал пристроить клумбу с розами или акацию, увитую благоухающими орхидеями. Все остальное время Юджин занимал себя заботой о саженцах, сортировкой семян, анализом почвы в разных концах сада и совсем редко – воплощением растений из своих снов и фантазий.

Иногда после долгого трудового дня, когда солнце ему было уже не нужно, и можно было полюбоваться закатом, Юджин садился на крыльце, материализовывал себе большую кружку чая и смотрел вдаль. Ему нравилось, что суэта окрестных поселений его не касалась, и в гости никто не приходил. А с вольношатающимися по Саду он никогда не разговаривал. Однажды, правда, к нему заглянул один из Учителей.

– Приветствую тебя, сынок! – Учитель улыбнулся Садовнику и стал задумчиво разглядывать свежесаживаемые кусты. Юджин подошел, поклонился и коснулся кончиками пальцев его стоп.

– Добрый вечер, Учитель! Добро пожаловать в Сад.

– Красиво у тебя здесь, столько любви! А давно ли Отец

навещал тебя?

– Давно, Учитель, очень давно. Уже трижды отцвел жасмин, а Господь не появляется.

– Да. Много забот. Мы себе даже представить не можем... Не переживай. Сад жив, значит, Создатель не спит. Ты ведь не ходишь на мои занятия? Юджин, мне кажется, они были бы тебе полезны.

– Простите, но я слишком привязан к Саду. Ни минуты не смогу без него. А вдруг я уйду на занятия, и разминусь с Отцом?

– Сынок, ты на этой планете лишь для того, чтобы учиться. Пройдут столетия, и ты получишь возможность раствориться в океане блаженства, если пройдешь оставшиеся уроки и освободишься от привязанностей. Я готов помогать тебе.

– Учитель, простите меня, но я уже достиг своего океана блаженства. Он здесь, в этих цветах и деревьях, у ног моего Отца. О большем и не мечтаю. Да и не очень я умен, чтобы понимать ваши истины. Слишком прост. Я и сам скорее старое дерево, чем высокая душа. Ваши занятия мне впрямь не будут.

– Что ж, будь счастлив, сынок!

– И вы... – Юджин поднял глаза, но Учителя рядом уже не было.

– Что хорошего в этих перемещениях? Так приятно босыми ногами по траве, по маргариткам!..

– Согласен, сынок, очень приятно!

Юджин поморщился, предвкушая продолжение беседы. Повернулся и увидел за спиной Отца. Его голос каждый раз менялся, а внешность... Юджин много раз пытался восстановить в воспоминаниях внешность Создателя, но ему это не удавалось.

– Владыка! Ты вернулся!

– Я и не уходил. Я всегда в твоём сердце.

– Отец, мне не по зубам ваши с Учителем премудрости. Ты же не будешь уговаривать меня ходить на занятия в школу?

– Это твоё решение. Надо было мне вычеркнуть свободу выбора, когда творил законы. Теперь уже ничего не поделаешь. Вижу, ты приготовил к посадке саженцы манцинеллы? Если она не обзаведется ограждающими шипами, боюсь, её нужно будет убрать подальше отсюда. Будь с ней осторожен.

– Все знают, что она ядовита. Но я присмотрю за ней.

– Что у тебя нового?

Юджин погасил солнце. Над садом зажглись яркие звезды, ночные фиалки разразились нежнейшим ароматом, а полчища светлячков устремились к кустам гортензий.

– Отец, ты не говорил мне, что за Дерево выросло в яблонево́м саду. Оно похоже на яблоню и цвело яблоневым цветом. Но оно не такое, как другие. И светится в темноте. Посмотри на его листья и ствол.

Вдалеке, над крышей домика светилось в темноте нежным светом раскидистое золотое Дерево.

– Вот видишь! Учитель о нем на занятиях рассказывал. А ты прогуливаешь.

Когда Создатель улыбался, у Юджина внутри загорался фонарик.

– Я и сам вижу, что оно особенное. На нем уже созревают плоды. Интересно...

– Не стоит, сынок, не пробуй их пока. И другим не давай. Как только будет можно, я сам тебя ими угощу. А сейчас, от греха подальше, посади вокруг него густой терновник или кактусы. Чтобы не было соблазна.

– Что ж, раз так, утром я его спрячу. Хотя, какой может быть соблазн в наших краях?

Уже через минуту Юджин снова включил солнце и забыл и о золотом Дереве, и об Учителе. Сад мягко обволакивало сумерками. Господь уютно устроился на поляне незабудок. Юджин сейчас же повесил на деревьях над ним нежную ваниль с легким сладковатым запахом и обвил стволы селенициереусом, царицей ночи. Кактус тут же расцвел, хотя накануне не собирался, и наполнил добрую половину Сада ярчайшим ароматом. Вечер пролетел незаметно. Юджин спрашивал, Отец рассказывал, что происходит во Вселенной.

Утром Садовник долго копошился вокруг золотого Древа. На всякий случай сначала убедился, не напали ли на него

тля или короеды. Тогда бы пришлось и их отлавливать, пересаживать и кормить: на этой планете все ее обитатели были равны в правах. К счастью, и ствол, и листья были совершенно целы, а золотистые плоды за ночь еще подросли и налились соком. Поразмыслив, какой вид терновника самый колючий, посадил обычный дикий кустарник и помог ему вырасти в хорошую изгородь. За спиной у него прошла увлеченная беседой компания здешних обитателей. Юджин не любил, когда с ним заговаривали местные. Он подождал немного и направился к домику. Однако двое мужчин отстали от компании и рассеянно бродили по дорожкам. Юджин сел под навес спиной к гостям и сделал вид, что увлечен разбором семян.

– Сократ, я прекрасно понимаю, что все происходит справедливо. Но факты!

– Какие факты, Семен? Любой факт при субъективной оценке может стать аргументом для обеих сторон.

– Да в том-то и дело, нас учат здесь, что сторона одна! И нет никакой другой! Создатель любит нас всех одинаково. Но тебя не смущает, что за пределами нашего обитания все происходит иначе? Зачем выселяют неугодных?

– А с чего ты взял, что выселяют?

– А с того, что в здравом уме никто по собственной воле из Рая не уходит.

Собеседники удалились, споря и жестикулируя. Юджин замер над столом с сорванным адонисом в руке. Цветок мед-

ленно возвращал свою огненную окраску. «За пределами нашего обитания?..»

Глава 10

Старое гнездо

Йоргут, поносы и страшные истории

Три недели тихого счастья вперемешку со страхом пролетели как один день. Директор Саниной школы умоляла определиться с новой школой. Электричество отключали все с меньшими интервалами. Мешки с вещами, сваленные вдоль стен, уже перекечевали на пол и другие горизонтальные поверхности. Их содержимое, слившись воедино, образовало прекрасные разноцветные поляны, на которых без труда можно было найти все, что нужно для жизни: памперсы, штаны, пеленки, коробки с инструментами, посуду, пластилин, белье и остатки вчерашнего ужина. Нужно было переезжать. Но квартиры, которые подобрал в интернете Игорь, Еве не достались – перехватили более расторопные претенденты, пока Ева с Ритой в слинге ехала с другого конца Москвы. Хозяева других уже по телефону отказывали подозрительной квартиросъемщице с тремя маленькими детьми и без единого мужа. Гошка нашел еще несколько вариантов, но посреди всех этих радостей заболели дети. Их по очереди то тошнило, то пронесило, то рвало.

В ноябрьский красный день календаря Ева проснулась от знакомых звуков в туалете. За окном шел первый снег.

– Саня, это ты? – Ева приподнялась на матрасе.

– Мам, это я, Кеша. Живот.

– Так! Все! Больше не могу! Куда же мне всех вас девать?

Я даже квартиру не могу съездить посмотреть!

– Прости, я все-таки съел йогурт. М-м-м, йогурт, – Кешка постанывал между спазмами.

– Что??? Я же просила, только гречку!

– Прости...

– Стой! Йогурт? Ты сказал йогурт?

– Прости, я случайно.

– Ты ж мой гениальный ребенок!

Ева вскочила и начала потрошить нетронутые мешки.

– Где же эта идиотская записная книжка? Вечно ее нет, когда надо!

Хранилище телефонных номеров, как назло, не хотело находиться и освежать в Евиной памяти единственный, который мог ее спасти.

– Да где же этот дурацкий телефон?! И как я могла его забыть? Эх! Память девичья.

По кухне в поисках съедобного уже бродила Саня.

– Мам, доброе утро. Живот вроде получше, и хочется есть. Там каша осталась?

– Осталась. Согрей себе в ковшике, молока не добавляй, опять понесет. Накорми Кешку, если захочет. Вам надо про-

держаться до обеда. Я очень быстро съезжу и вернусь!

Когда все таблетки были распределены между старшими, туалетная бумага и тазик ждали каждый на своем посту, Рита накормлена, убаюкана и одета, Ева выскочила из дома и побежала в сторону метро, придерживая перед собой сопящую дочь. На ходу она застегивала куртку, натягивала шапку, искала варежки и все твердила: «Сима, не смей умирать! Давай, живи и жди меня! Ты мне так нужна!»

На выходе из подземного перехода через Новый Арбат вместо продуктовой забегаловки блистал витринами магазин одежды. Жизнь вокруг менялась, как ей и положено. Но Еву это заранее расстраивало. Музей Гоголя. Сам Николай Васильевич в скверике. Фух. Не все изменилось. Еще минута, и Ева стояла у подъезда, закрытого на кодовый замок. Еще десять минут топтания у двери с замерзшими ногами, и она уже бежала наверх пешком. Звонок. Сима живи, не смей умирать! Скрестила пальцы.

За дверью зашуршали тапочки, и Симин голос возвестил победу добра.

– Это кто? Эсли рэклама или дэпутаты, убирайтес к чертовой матери!

– Это я Симдавидовна! Я! Ева!

Три замка, щеколдочка, цепочка... и перед Евой во всей своей красе воссияла вставными зубами и накрахмаленным кружевным исподним сама Семирамида Давидовна Красная,

в девичестве Рубинштейн.

Ева крепко ее обняла. Сима усохла еще на десяток килограммов, состарилась еще на пару сотен лет, зато взор обострился, брови расслабились и мягко обнимали глаза. Впрочем, старые добрые заношенные треники с вытянутыми коленками и бесформенный свитер неразличимого цвета вскоре сменили белую ночную сорочку, и прежняя, слегка взъерошенная Сима поила Еву чаем.

– Ева, там ваща девочка с дивана не упадет?

– Нет, она спит очень крепко.

– Хорошо. Разумеется, живите у меня, буду очень рада. Только ума не прыложю, как ви вчетвером будете в одной комнате.

– Мы так в Косино и жили, всем аулом на одном стуле. Я же могу работать на кухне? Вы не против?

– Конечно. Но ви же зьнаете, там водятся мыши.

– Я к ним быстро привыкаю. Скажите, сколько стоит ваша комната?

– Господи, Ева. Я же не старуха-процентщица. Мне вполне хватает пэнсии на все мои излищества.

– Но я не хочу чувствовать себя в долгу. Так будет проще, если за оплату.

– Тогда поможете мне освоить ващи эти... мобильники. И каждый день будете заново рассказывать, как ими пользоваться. Склероз, знаете ли. И готовить я так и не научилас. Так што, ви помните: котлеты, макароны по-флотски, творо-

жьки и йоргуты. Этого достатошно.

– Хорошо. Тогда еще на сайте знакомств вас зарегистрируем! – Ева рассмеялась, Сима смущенно убрала за уши пряди волос в остатках хны.

– Ева, а ви повзрослели. Ви ушли от меня напуганной девочкой.

Сима говорила, а Ева недоумевала, как она могла столько лет ее не навещать. Семирамида была блестящей старушенцией! Так радовали слух ее гласные, как будто слегка придушенные в горле, ее размягченные до жидкого состояния шипящие и жужжащие. А ее рубящая «р»!

– Да я такая же напуганная, только старушка. А вы похорошели и помолодели, Симдавидовна.

– Да бросьте, вам еще жить да жить. Я, конечно, молодая женщина, но уже не только генэралы, но даже вижившие из ума мужчины при смерти не поглядывают в мою сторону. Может, с цветом волос перэстаралась?..

Когда уже смеркалось, и Семирамида выслушала выжимку из витиеватых злоключений последних лет, Ева шагнула из подъезда в переулок и направилась к шумящему Новому Арбату, раскрывающему свои злачные и культурные заведения для всех желающих. Похоже, ее самолет вышел из пике и начал набирать высоту.

Колин, снова я. Ты не против?

Если тебе еще не надоели мои «страшные рассказы», илю еще один. А как ты, кстати, познакомился с Ливией? Ты не рассказывал. На съемках? Яркий свет, встает солнце, и в лучах его медленно идет итальянская девушка. Ветер в лицо, длинные черные локоны развеваются в стороны и по плечам. Широкая юбка волнами омывает стройные загорелые ноги... Чего смеешься? Не так? Стой, погузлю.

А я... да не важно. Если бы ты увидел, как мы жили, вот теперь точно перестал бы со мной дружить. Знаешь, когда Тамара рассказывает мне про кармические долги и все в таком духе, я понимаю, что, если это все не сказки, в прошлых воплощениях я была маньяком, душегубом и растлителем. И замутила невероятное количество праведных душ. И они воплотились именно сейчас, все вместе, чтобы воздать мне уже по полной программе. А Сегалова вообще, видимо, привязывала к батарее, не кормила и не пускала в туалет, колола иголками, а потом сожрала живьем и не подавилась. Не знаю, чем еще объяснить девять лет ада и насилия. Кстати, он однажды после очередного скандала с пощечинами и легким многократным придушиванием посмотрел на меня и изрек: «А ты не думала, что я твой меч судьбы, и ты все это когда-то заслужила?!» За что он меня душил? Да так, за ответы на его вопросы. Когда отвечала честно, тут же орал и хватал за горло. О чем спрашивал? О любви, доверии, семейных ценностях. Ну вот, смотри:

– Зачем ты выдернул меня из гостей? У всех испортилось настроение. Мне неудобно было говорить. Не обязательно было звонить и Леньке, и Соне, и Гоше и требовать дать мне трубку. Я бы и так ответила, как смогла.

– Ты охренела?! Я только хотел сказать, что люблю тебя. А ты никогда никого не любила по-настоящему. Я же вижу! Ты вообще не способна любить! Посмотри на меня! Я горю в любви! Я настоящий! А ты не можешь в трубку закричать, что любишь. Мямлишь вечно. Где огонь?! Чувства? Да плевать мне, что ты в гостях! Я твой учитель! Пока не научу любить, никуда не уйдешь!

Или...

Две недели совместной жизни. Собираюсь на работу, осталось нарисовать стрелки и подкрасить ресницы.

– Зачем ты накрасила глаза?! Тебе что, одного мужика мало?

– Я просто накрасила глаза. При чем здесь мужики?

– Ты в курсе, что сообщаемь всем, что ты в деле?

– Ты сошел с ума?

– У меня душу рвет! Сотри живо! Я не люблю эту бабу с накрашенными глазами! Я ее не знаю.

– При чем здесь любовь?

Хватает меня за горло и прижимает спиной к входной двери. Сползаю от неожиданности и сажусь на тумбочку рядом. На работу опаздываю уже на час, а он все орет о

любви и хлещет по щекам.

*– Я же люблю тебя, сука!!! А ты ведешь себя как дрянь!
Не доверяешь, фильтруешь! Учись настоящим чувствам!*

Или...

Вернулся из поездки с Санькой. Ей четыре. Она уставшая.

– Саня, котик, пора спать, мы с Кешей ложимся.

*– Какого хрена Саня должна с вами спать? Всего десять.
Мы еще в мяч не поиграли. Не устраивай концлагерь! Она
взрослая уже. Когда начнет рубиться, тогда и ляжет! А
вы идите к себе и спите.*

*– Но она засыпает через десять минут, всегда. Это ты
можешь ложиться, когда начнешь рубиться. Мы ложимся
все вместе, иначе Кешка не заснет.*

– Дай ребенку выработать ресурс! Не трогай мою дочь!

*Мы с Кешкой ложимся. Просыпаемся от удара мяча в
дверь. Кешка ревет. Выхожу в коридор.*

– Саня, пойдём спать?

– Я не хочу, съ папой футбол игаю.

– Я тебя просил не лезть?

*Хватает меня за волосы, тащит в ванную и открывает
воду в душе.*

*– Охладись! Ты вообще не обращаешь, что делаешь!
Иди спи!*

*Плачу, качаю Кешку под стук мяча в стену. Утром за-
глядываю к Сегалову. Спит на своем матрасе. Рядом на по-*

лу калачиком под его старым свитером дремлет Санька. На экране телевизора титры «Узника Азкабана».

Или...

Я беременна Санькой, тошно, сплю. Ночью включает телевизор. Просыпаюсь. Мучительно пытаюсь заснуть. Не получается. Нервничаю. В прошлый раз он смотрел фильмы всю ночь. Я проспала на работу и весь день промучилась от усталости. Я боюсь говорить. Он начнет орать.

– Прости, а можно сегодня без телевизора? Я не засну.

– Я не хочу жить как все вы: дом, работа, ужин, сон. Я хочу быть свободным.

– Хорошо, а можно я посплю? Я не выдержу еще ночь под телевизор. Ты не думал про наушники?

– Я не смотрю в наушниках. Вставь беруши.

– Я сквозь них тоже слышу. Даже если звук на единичку, я все равно слышу, и мерцание света вижу, не могу заснуть. Пожалуйста!..

Проходит полчаса, ничего не меняется. Я нервничаю ужасно, мне плохо. Встаю, хватаю свою подушку и плед с кресла.

– Ты куда?!!

– Я посплю в ванной.

– А можно без демонстраций?! А! Ну и убирайся к черту!

Мне в лицо летит вторая подушка. Пошатнулась, живот огромный, меня так просто уже с ног не сбить.

Или...

Прости, что я, в самом деле. Что скажешь?

Как ты думаешь, как мы выбираем свои пары? Ты веришь в теорию о вторых половинах? У некоторых ведь вопреки логике половин бывает несколько. Или они не настоящие? Мильй Колин, как бы я хотела больше ничего не бояться! Но я соткана из страха. Он течет по моим венам, вибрирует во всех молекулах и атомах моего тела. Даже сейчас, когда мне хватило смелости сбежать от Сегалова, я продолжаю бояться, рефлексировать и перед каждым действием просчитывать, как он отреагирует. Колин, умоляю! Напиши хоть что-нибудь! Пообещай, что спасешь меня и детей из этого кошмара!

Прости, все, молчу. Отползаю. Не бери в голову.

Обожаю тебя.

Твоя Е.

Глава 11

Джузеппе-Сизый нос Конец детства

Отец не увидел, как Ева пошла в первый класс. Уехал и больше никогда не возвращался. Расставания Ева почему-то не помнила совсем – сознание ее погрузилось в режим самосохранения. Обсуждать Серафима Михайловича дома стало недопустимо. Будто его никогда и не было.

Мать спешно вышла замуж за учителя физкультуры из поселковой школы. Джузеппе – так Ева сразу назвала его (а потом сократила до Д) за длинный слегка фиолетовый нос и омерзительную лысину. Да простят меня обладатели красивых, аккуратных лысин, кои носят их с достоинством. Лысины, как и люди, бывают разными: кто-то увенчан гордой и величавой, занимающей обширную часть угодий, у кого-то скромная романтическая лысина, обрамленная золотыми завитками по берегам. Так или как-то иначе, лысина – всего лишь часть нашей головы, голова – часть нашего тела, а наше тело создано по образу и подобию, значит нужно принимать его как подарок. Так вот, лысина Джузеппе образовалась, когда Господь на мгновение отвлекся, и к процессу под-

ключились силы зла. Всевышний сфокусировался, но было уже поздно. Лысина сияла омерзительностью. Однако Джузеппе носил ее с достоинством, периодически откидывая над ней рукой невидимую прядь. Он считал себя настоящим мужиком и вел себя в соответствии со своими представлениями об этом звании.

Осенью началась школа. После линейки в классе была перекличка: учительница попросила каждого из первоклашек делать шаг вперед, когда назовут его фамилию. Евина очередь все никак не наступала, хотя уже начались фамилии на «Л» и «М». И вдруг в самом конце вызвали Еву Шаповалову. «Надо же, две Евы в классе», – подумала Ева.

– Ева, почему ты не выходишь? – спросила учительница.

– А это не моя фамилия. Я Колева.

– Нет, Ева, фамилия твоя. Так в документах написано.

И тут ее осенило: это же фамилия отчима! Зачем?!!

Вечером, когда мама пришла с работы, Ева попыталась поговорить с ней, плакала и умоляла все вернуть. Но мама твердо решила начать новую жизнь, в которой даже для папиной фамилии не было места.

Ева еще долго подписывала тетради «Евой Колевой». А когда учителя стали ее ругать, оставила только имя. К счастью, Ромкина мама сказала, что нужно дотерпеть до шестнадцатилетия, тогда можно будет взять любую фамилию. И Ева начала терпеть.

Колин, как сам?

Прости, не писала неделю – Кешка заболел, а за ним и Рита – поносы, золотухи и прочие радости. А дедлайны чихать хотели на температуру 38,9. Я слышала, ты купил треники и зачистил в зал? Да еще и поешь, и танцуешь? Ты молодец! Я к своим пятидесяти вряд ли подамся в супервумены, буду вялой экзальтированной старушенцией. А ты давай, сколько можно носиться с мистером Дарси!

Ты спросил, откуда эта вялость? Да я даже не про мышечное безволие с жировыми отложениями. Я что-то не способна на подвиги в мирной жизни. Только если меня как следует прижать и оставить в таком положении на годик-другой, а то и пятый. Что мне мешает говорить то, что думаю? А ты всегда так делаешь? Ну, как бы, так себе темка. Ладно, тебе я могу. Только не бросай меня потом, хорошо?

С чего все началось? Мне было около семи. В прихожей стоял, занимая все обозримое пространство, незнакомый человек. Он был лыс, и на лице его не прослеживалось ни малейшего намека на усы, как у недавно исчезнувшего папы. А такие дядьки меня совершенно не интересовали. Вдруг рука его вынырнула из недр кармана и помпезно протянула мне крошечную шоколадку. На упаковке была удивленная сова – точь-в-точь похожая на меня. Человек как-то странно

смотрел на меня, как будто оценивая перспективы. Холодок пробежал по спине и незнакомое чувство... отворачивания что ли? Кого-то он мне напоминал. А, точно! Вылитый Джузеппе Сизый нос, только коротко стриженный! Брр. Рядом высилась мама. Ее лицо транслировало всю гамму ожиданий относительно моего поведения. Мама не принимала ничего, кроме безмолвного повинования, так что на дискуссии я была не способна патологически. Собственно, вариант-то был только один.

Дальнейшие события в основном тонут в тумане подсознания, видимо, были утрамбованы по самым дальним ячейкам. Потому что потом был только мрак... Да нет, милый, я не сгущаю, наоборот, стараюсь тебя сильно не травмировать.

Д очень быстро с комфортом устроился в нашем доме и в моей жизни. При маме он был еще вполне сносен, исправно давал хорошего семьянина. Но стоило нам остаться дома одним, раскрывался во всей красе. Колин, включи трагическую музыку... Да ладно, выключи. Противно. Хорошо, слушай. Вероятно, в прошлой жизни Джузеппе был каким-нибудь тираном-завоевателем, но недотиранил пару-тройку соседних царств, за что и был прислан на обратно для завершения дел земных.

Отношения с внешним миром у меня всегда были нестабильными. Мешало ощущение, что я здесь временно – зачем тогда чувствовать себя как дома? После исчезновения отца

и вообще стало одиноко. Нет, у меня был Ромка, но я его почему-то воспринимала как продолжение себя. А еще я была в непримиримой вражде с луком! Это не смешно, ты чего? Для мамы он олицетворял всю пользу продуктового мира, его не было разве что в пирогах с вишней, и то по недоразумению. Лук, попадая в мое поле зрения, уже вызывал агонию сознания. Но в нашем доме не допускалось наплевательское отношение к пище, на которую были «потрачены деньги, потом и кровью заработанные взрослыми». Все лежащее на тарелке нужно было проглотить. Разумеется, не вычленив лук. Попытки вместить его не жуюсь успехом увенчивались редко. Богатое воображение здесь было моим стойким антагонистом, я продолжала видеть ненавистный овощ и в пищеводе, и в недрах желудка. Само собой, реакция не заставляла себя уговаривать. Будучи несколько раз забываемо наказанной, я изыскала способ выйти из щекотливого положения: на кухне была раковина, в ней отверстия слива, а маме надоедало наблюдать, как я давлюсь едой, и она находила себе занятия на это время. Так вот, однажды застал меня за заметанием следов. Он промолчал, но по его лицу я поняла, что галочку-то он поставил.

Д как-то «случайно» забыл на столе фотографию. К сюжету на ней мой детский мозг никак не был подготовлен и впал в ступор. Колин, дорогой, не знаю, как ты, а я была уверена, что дети рождаются от поцелуев родителей при

каких-то специальных условиях. В те времена информационное поле было крошечным, с игольное ушко. Все, что происходило во взаимодействии знакомых мне взрослых, всегда было невинно: разговоры, скандалы, споры, обсуждения меню на ужин и фильмов, отчитывание детей. Я догадывалась, что, оставшись наедине, родители мои и чужие могут и обниматься в темноте и даже, господи Иисусе, целоваться. Но увиденное простиралось очень далеко за пределы того, что я могла себе представить. Память все чаще стала изменять Джузеппе, фотографии забывались разные и не только на столе. Я ничего ему не говорила, а он не спрашивал. Но его яд все крепче смешивался с моей кровью.

Все, милый. Об остальном, думаю, ты и сам догадываешься. Этим он не ограничился: постепенно перешел к обсуждению моих впечатлений. А потом я стала все чаще замечать хищный огонек в его глазах. К счастью, в своих стремлениях ко мне Джузеппе не дошел до абсолютных глубин. Но и того, что он делал в моем присутствии, вполне было достаточно, чтобы я возненавидела все, что связано со взрослой жизнью, отношениями, домом и родителями, моим собственным телом и моим внутренним сломанным Я. Так себе мизансцена, скажи?

Это ужасно!.. В какой-то момент я поняла, что мне интересно... И тогда наивный восторженный ребенок, семилетняя девочка Ева, все еще верящая в Деда Мороза, кото-

рая, когда вырастет, могла бы стать заводчицей единорогов, изобретательницей исцеляющей сладкой ваты, принцессой в белоснежном замке, куда много лет стремится принц, полный одних только достоинств, или отважной путешественницей и борцом за свободу аляскинских индейцев, умерла.

Засим прощаюсь. Не анализируй долго. Тебе, в конце концов, надо к съемкам готовиться. И Ливия вряд ли одобрит твое рассеянное состояние. Всего лишь хотела объяснить тебе, что я тот еще боец. Но ничего. Видишь, жива-здорова. Тебе теперь не противно со мной дружить?.. Я с тех пор стыжусь себя. Своего тела. Надеюсь на твою мудрость, мистер Дарси. Ибо без тебя в нашем доме исчезнет Идеальный Мужчина, поддержка и опора, пример для моих детей, особенно для Кеики. В конце концов, если б не мое дурацкое детство, чесала бы я брюшки единорогам со своим идеальным принцем и сдыхала от скуки. А так, вон – энциклопедия приключений.

Ну все, нежно обнимаю. До завтра, старина, бывай!

Глава 12

Письмо И больше никогда

Еве исполнилось одиннадцать. Мир не рухнул, реки не потекли вспять, планеты не сошли с орбит. Только ее жизнь перевернулась с ног на голову, просто никто об этом не догадывался. Совсем не родительский интерес отчима планомерно отравлял ей жизнь. К счастью, ему не хватало смелости пойти до конца. Но жить в постоянном страхе, что однажды он совсем сбрендит, тоже было невыносимо. Хотя даже к таким обстоятельствам, оказывается, можно было привыкнуть. Ева выработала с годами специальную систему поведения и мер предосторожности, которые позволяли ей не попасться ему в руки, когда матери не было дома.

Ева не помнила, как исчез отец. Дома о нем не говорили. Мать умолкала, как только Ева о нем вспоминала или спрашивала, где папа живет. Как будто его и не было. Отцовская комната снова стала гостиной. Мама устроила в ней склад прочитанных книг, потому что гости все равно к ним не приходили, а с единственной подругой мать всегда уединялась в своей комнате.

Бывали, правда, еще праздники – Джузеппе особенно любил седьмое ноября. Приходили его друзья-спортсмены, мама накрывала среди книжных сталагмитов длинный стол. Джузеппе готовил горы салатов: они высились в хрустальных салатницах, олицетворяя достаток. Посуду, как и большинство предметов в доме, он называл инвентарем. Гости чокались, выпивали и закусывали, потом пели. Отчим всегда вспоминал былые спортивные подвиги, вновь и вновь рассказывал о своих кубках и первых местах в каких-то там забегах и марафонах. Его друзья добавляли в эту копилку свои заплывы и лыжни, несправедливых судей и завистливых коллег по сборным. На Джузеппиной мускулистой шее даже дома часто висел свисток на красном шнурке. Свистом во время застолий очень удобно было регламентировать время выступающих или объявлять перемену блюд. Мать сидела с непробиваемым выражением лица и старалась соответствовать. Молча. Ева закрывалась у себя в комнате или уходила гулять с Ромой. Наблюдать за этими странными праздниками и за бедной матерью было невыносимо. К тому же Д не упускал возможности подмигнуть Еве или дотронуться до нее, как бы невзначай.

Хуже всего, что у Д была шашка. Настоящая, доставшаяся по наследству от прадеда. Хранилась она в серванте вместе с коробкой документов, аптечкой и виниловыми пластинками, как будто тоже была предметом первой необходимости

в доме. Во время застолий, на пике гусарского мировосприятия после нескольких рюмок самогона, он часто вынимал шашку из серванта и с патетическим выражением лица рубил табуретку, на которой только что сидел. Гости аплодировали, кричали: «вот это мужик!» или «знай наших!». Вероятно, он и сам себе в эти моменты казался невероятным героем. Но выглядело это настолько безумно, что дома эти эпизоды никогда потом не обсуждались. А Еве было очень страшно.

Два раза в неделю она продолжала ходить в художку. Занятия вел папин друг Павел Семеныч. Мастерская отца тоже досталась ему. Ева никогда туда не заглядывала. Студия была единственным, что напоминало об отце, к тому же на стенах висели его картины. Глядя на отцовские сирени и мечети Самарканда, Ева представляла, как она вырастет и поедет к бабушке Фиме, чтобы узнать, где живет отец. Потом они встретятся и не расстанутся никогда. Эта мысль согревала ее и в холод, и в плохое настроение, и в минуты отчаяния.

На зимних каникулах неожиданно прислала телеграмму и приехала бабушка Нюра. Ева была в восторге! Нюра пахла пирогами, сушеными яблоками, старым домом на Волге и нежностью. Раскладушку ей поставили в Евиной комнате. Бабушка и внучка болтали целыми днями и ночами. Нюра, как радио, вещала без остановки. Вспоминала детство, ледяные горки, прятки и салки, которые почти всегда были под

запретом: пока ровесники беззаботно гуляли, Нюра с сестрами вязала чулки и носки, пряла пряжу, давила из конопли масло, вялила большими подносами фрукты на крыше, доила коров и сбивала сливки. У них дома с пятилетнего возраста дети считались уже взрослыми и обязанными помогать матери. Но никто не жаловался: хозяйство было большое, отец погиб на гражданской войне, мать одна ни за что бы не справилась. Ева слушала эти воспоминания как сказки, и так ей было уютно!

– Вот Евушка, так и выжили.

– Бабуль, а твой папа какой был?

– Хм. Красивый. Усищи вот такие! Высокий, выше меня.

На гармонии играл, пел лучше всех в деревне.

– А я стала забывать, какой у меня папка был.

– Почему был? Отец – он на всю жизнь дается.

– Кем дается?

– Как кем? Отцом нашим Небесным. Чтобы успевать обо всех заботиться, он каждому дает себя, только маленького, из плоти и крови. И ведет за ручку, всю жизнь не отпускает. А иногда и на руках несет, когда идти не можем.

– А почему же он меня бросил? Знаю, потому что я плохая. И папа бросил. Значит, не обо всех заботится? Значит, я ему не нужна?

– Не выдумывай, ты очень хорошая. И разве бросил? Наверно, пишет тебе? Вон алименты исправно присылает, мама говорила.

– Не знаю про алименты. Зачем они мне? Если бы хоть одно письмо прислал... если бы приезжал, рисовал со мной, к себе забирал на лето...

Ева осеклась. Ньюра под села на кровать и обняла внучку. Ева уткнулась ей в плечо и заплакала.

– Всякое бывает, моя хорошая. Мы не знаем, почему он так поступает. Ну уж не потому, что забыл. Ты жди. Все прояснится. А может, и сам он к тебе придет. Ты у мамы спрашивала?

– Спрашивала. Она сказала, что мы об этом говорить не будем.

– Ох, Танька! Дурная голова. Сама заблудилась и дитю покоя не дает.

– Где заблудилась, бабуль?

– Да в трех соснах. Ладно. Господь с ней. Евушка, Небесный Отец всегда с тобой. Вот здесь, в сердце. Слушай его, говори с ним. И главное – верь, что он всю жизнь рядом. А если в беду попадешь, первым и явится.

Ева не знала, что ответить. Ее почти забытый отец никак не увязывался с дедушкой, который сидит на облаке. Их роднило только то, что оба так или иначе существовали, но отношений с Евой не поддерживали.

Бабушка вскоре уехала. Остался Ромка. Он не знал, что периодически гнетет его боевую подругу, но прекрасно мог ее отвлечь. Ромка был мастером великолепных шалостей. В

рейтингах, естественно, лидировали стройки. Вторую школу в поселке строили несколько лет. Снега, дожди и солнце уже превратили будущий храм знаний в руины. Здесь отлично игралось в войну, революцию и в необитаемый остров. Ева и Рома были то за команду пиратов, то за разведчиков, то забирались на самую высоту и играли в самолет. В плохую погоду под мостом на речке устраивали штаб подводных лодок. Или в лесу строили дом из палок и покрывал и варили суп из травы и хлеба в консервной банке. Ромка всегда был где-то рядом, а если уезжал на соревнования по баскетболу, Ева не знала куда себя деть. Она абсолютно все, что ее волновало, ему рассказывала. Но про Джузеппе так и не решилась. Не открывался рот, и звуки застревали в горле.

В один из таких одиноких выходных дней Ева, чтобы скоротать время до Ромкиного возвращения, села рисовать. Сначала брызнула на бумагу акварельную кляксу. Папа так учил: пока клякса не впиталась, резко подуть на нее, и та прыскает в разные стороны тоненькими веточками. Можно добавлять к ним акварельных капель и снова раздувать их в нужную сторону. Так получаются разноцветные кусты. Вскоре Ева изобразила целый сад. Когда акварель подсохла, наступила очередь цветных карандашей и фломастиков: на тонких ветвях расцвели цветы и зашумела от легкого ветерка листва. Птицы запели в густых кронах, солнце пробивалось тонкими лучиками сквозь облака и заросли. «Эх, как там бабушка Нюра?..»

Жаль папина коробка таяла, а купить такие краски в магазине было трудновато. Весной в Доме творчества был субботник, и Ева с ребятами решила зайти в бывшую отцовскую мастерскую. Павла Семеныча не было, и, пока дети из ее группы протирали пыль на подоконниках, Ева быстро пробежалась глазами по стеллажам. На одном из них под завалами рулонов ватмана и ветоши стояла папина коробка. Не узнать ее было невозможно. Он приклеивал к ним красивые прямоугольнички из коричневой оберточной бумаги и аккуратным почерком перечислял содержимое. Видно было, что новый хозяин мастерской даже толком не изучил свои владения. Ева бросилась к ящику: поднять его было нелегко. Не важно! Обхватила драгоценный клад и полетела вниз по лестнице, домой. Вскоре на письменном столе у нее аккуратно было разложено все наследство: три коробки ленинградской акварели, не новые, но очень обнадёживающие, три банки с кисточками всех размеров и видов, трапециевидная фанерная черная банка для карандашей с миниатюрными пейзажиками в овалах (утро, день, вечер и ночь на четырех гранях), два мастихина, перепачканных засохшим маслом, отцовский серый рабочий халат с красочными следами его произведений, коробка цветных карандашей «Искусство», набор перьевых наконечников, десяток стеклянных баночек с остатками гуаши, и среди них – восхитительная «розовая флуоресцентная», банка грунта для холста и странное приспособление неизвестно для чего в виде чашек с пружиной.

Маме ничего не сказала: так будет лучше. А если просто разложить по ящикам стола, она даже не заметит. Все мамино свободное время уходило на скандалы с отчимом. Только теперь скандалил Джузеппе и грозился уйти навсегда.

В дверь позвонили. Ева не реагировала: обычно открывал отчим. Позвонили снова, видимо его не было дома, а мама предпочитала не открывать. Пришлось Еве выползть из норки.

– Привет, Ева! Какая ты большая! И вылитый Михалыч.

– Здравствуйте. А вы кто?

– Дядя Женя, друг твоего папы. Не помнишь? Мы с вами в поход как-то ходили. У меня дети твои ровесники, Дина и Дима.

Лицо мужчины и правда казалось знакомым. Только в смутных воспоминаниях он был с бородой.

– А! Динь-динь, да? Вы их так называли?

– Ева, с кем ты там разговариваешь? – мама оживилась в своей комнате.

Дядя Женя приложил палец к губам и протянул Еве конверт.

– Вот, это тебе. Я с твоим папкой виделся в Москве недавно. Михалыч сказал, что вы не отвечаете на его письма, а посылки к нему обратно в Одессу приходят. Наверно, мама не хочет, чтобы вы общались. Он скучает по тебе, очень!

– Ева, кто там пришел? Почему молчишь?

– Письмо вам обеим, прочитай сама и дай маме. Пока!

Дядя Женя потрепал Еву по макушке и удалился вниз по лестнице. Ева подняла конверт к свету, оторвала краешек, вынула письмо. И заплакала...

«Здравствуйте, дорогие Таня и доченька Евушка! Как вы? Почему не отвечаете на мои письма? Таня, зачем отсылаешь посылки обратно?...»

Буквы смешивались со слезами, строчки плыли волнами. «А я...», «Если получится летом...», «Доча, ты не думай...»

– Что это?! Кто приходил?! – Прогремело за спиной. Ева вздрогнула, вцепилась взглядом буквы и побежала по строчкам. «Таня...», так... и внизу страницы «Ева никогда не станет художником...»

Мама выхватила письмо.

– Почему ты молчишь? Зачем ты это читаешь? Там ни слова правды! Он нас бросил! Тебя, тебя, Ева, бросил! Ни одной строчки не получит! Ни одного воспоминания!

Мама, размахивая письмом, удалилась. Ева так и осталась стоять посреди комнаты. На нее как будто с неба упал слон в оранжевом комбинезоне – было больно и странно одновременно. «Папка, оказывается, в Одессе живет, письма пишет! Вот зачем мама поменяла замок на почтовом ящике, а ключ не дает. Так он еще и посылки присылал! А она их обратно... Зачем? Стоп. «ЕВА НИКОГДА НЕ СТАНЕТ ХУДОЖНИКОМ»?! Как?! Почему?.. Он же говорил, что у меня талант...» Ева села на кровать и заплакала так горько, как еще

никогда. «Ты мне хоть какой-нибудь сейчас нужен, папка! Хоть земной, хоть небесный! А ты уехал! Но я думала, что найду тебя, что ты меня любишь, а ты мне врал! Что мне делать, папка?!» Но сколько бы Ева ни спрашивала, он не отвечал. Прислушивалась к сердцу, как бабушка Нюра говорила, но не слышала ни звука. Сколько ни звала – не приходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.